- Кестнер Эрих
  -

Кестнер Эрих
Мальчик из спичечной коробки

Эрих КЕСТНЕР
МАЛЬЧИК ИЗ СПИЧЕЧНОЙ КОРОБКИ
Глава 1

Моя первая встреча с Маленьким Человеком. Пихельштейн и Пихельштейнеры. Родители Максика отправляются в дальние странствия. Ву Фу и Чин Чин. Место рождения - Стокгольм. Похороны двух китайских косичек. Профессор Йокус фон Покус держит речь

Его называли Маленьким Человеком, и он спал в спичечной коробке. Но настоящее его имя было Макс Пихельштейнер. Правда, этого почти никто не знал. И я тоже, пока он мне сам не сказал. Это было, если не ошибаюсь, в Лондоне. В отеле "Гарленд". В кафе. Там с потолка свисали пёстрые клетки с птицами. Птицы так громко чирикали, что с трудом можно было расслышать свои собственные слова. А может быть, это случилось в Риме? В отеле "Амбассадоре" на виа Венето? Или в ресторане гостиницы "Эксцельсиор" в Амстердаме? Проклятая память! Она у меня похожа на ящик, битком набитый всевозможными игрушками. Но уж одно-то я знаю твёрдо: и родители Максика, и его бабушки с дедушками, и абсолютно все его предки были родом из Богемского леса, из самой густой его чащи. Там есть высокая гора, а под нею - маленькая деревушка. Обе они называются Пихельштейн. На всякий случай я заглянул в свой старый справочник. В нём чёрным по белому сказано:

Пихельштейн. Деревня в Богемии. 412 жителей. Низкорослый тип людей. Максимальный рост - 51 сантиметр. Славится Гимнастическим союзом (Г. С. Пихельштейн, основан в 1872 году) и пихельштейновским мясом. (Подробнее см. том IV - статья "Обеды из одного блюда".) Все жители в течение многих столетий носят фамилию Пихельштейнер. Литература. Пастор Ремигиус Даллмайр. "Пихельштейн" и "Пихельштейнеры", 1908. Самиздат. (Распродано.)

"Ну и деревня!" - наверное, скажете вы. Что поделаешь! Ведь всё, что говорится в моём справочнике, почти всегда истинная правда. Через год после свадьбы родители Максика решили попытать счастья.

Ростом они были низковаты, но метили высоко: их планы не умещались в деревушке Пихельштейн в Богемском лесу. И вот в один прекрасный день супруги захватили свои пожитки, а вернее пожиточки, и отправились в далёкий путь. Куда бы они ни приезжали, всюду на них глазели как на чудо. Люди разевали рты и потом еле-еле могли их снова закрыть. Правда, мать Максика была изумительная красавица, а его отец отрастил пышные чёрные усы, но всё же ростом они оба были не выше пятилетних детей. Ничего удивительного, что все удивлялись.

Чего же они хотели добиться? Оба они были великолепными гимнастами, но мечтали стать акробатами. И действительно, когда они показали господину Грозоветтеру, директору цирка "Стильке", несколько упражнений на турнике и кольцах, тот восторженно захлопал в свои белые лайковые перчатки и воскликнул: - Браво, малыши! Я вас беру! Это было в Копенгагене. Перед самым обедом. В цирке под огромным шатром, натянутым на четыре высоченные мачты. Максика тогда ещё и на свете не было. Хотя его родители были инструкторами по гимнастике у себя в Пихельштейне, им пришлось много учиться и упорно тренироваться. Только через три месяца их включили в китайскую акробатическую труппу "Семья Бамбусов". В сущности, семья Бамбусов не была настоящей семьёй. В ней не было ни одного взаправдашнего китайца. Даже искусно заплетённые косички, что болтались на затылке у каждого из них, тоже были поддельными. Но зато все Бамбусы до единого были истинными артистами, жонглёрами и акробатами, каких ещё свет не видывал. Они с такой скоростью вращали бьющиеся тарелки и чашки на кончиках тонких, дрожащих прутьев из жёлтого бамбука, что у зрителей дух захватывало. Самые большие и сильные Бамбусы держали на поднятых ладонях длиннющие бамбуковые прутья, а самые маленькие Бамбусики проворно, как белки, карабкались вверх по скользкому бамбуку и делали на кончике прута сначала стойку на руках, а потом - под приглушённую барабанную дробь - на голове. Они даже ухитрялись на десятиметровой высоте проделывать сальто! Перевернутся в воздухе, словно это для них сущий пустяк, встанут обеими ногами на качающиеся острия бамбуковых прутьев, улыбнутся и как ни в чём не бывало посылают публике воздушные поцелуи. Оркестр играет туш, а зрители хлопают, пока не отобьют ладоши.

Теперь родители Максика назывались на всех афишах и в программах Ву Фу и Чин Чин и носили фальшивые косы и вышитые пёстрой гладью кимоно из шуршащего шёлка. Вместе со скатанным брезентовым шатром, а также со слонами, хищниками, глотателями огня, клоунами, акробатами, арабскими жеребцами, конюхами, укротителями, балеринами, механиками, музыкантами и господином директором Грозоветтером они переезжали из одного большого города в другой, добывали цирку славу и деньги и по меньшей мере двадцать раз на дню радовались, что уехали из Пихельштейна. Максик появился на свет в Стокгольме. Врач долго смотрел на него в лупу, а потом улыбнулся и сказал родителям: - Да он же просто богатырь! Поздравляю вас! Когда Максику исполнилось шесть лет, он потерял родителей. Это случилось в Париже. Родители Максика поднялись в лифте на Эйфелеву башню, чтобы оттуда полюбоваться прекрасным видом. Только они вышли на площадку, как налетел сильный вихрь и унёс их. Остальные посетители, которые были гораздо выше ростом, удержались за поручни. А Ву Фу и Чин Чин погибли. Всем было видно, как они летели, держась за руки, а потом исчезли вдали. На следующий день газеты писали: "Ветер унёс с Эйфелевой башни двух маленьких китайцев! Безуспешные поиски на вертолётах! Тяжёлая потеря для цирка "Стильке"!" Конечно, тяжелее всех перенёс её Максик: ведь он очень любил родителей. Сколько крошечных слезинок пролил он в свои крошечные носовые платочки! А когда через две недели на кладбище в маленькой шкатулке из слоновой кости хоронили пару чёрных китайских косичек - их за Канарскими островами выловил из океана португальский пароход, - Максику хотелось умереть от горя.

Удивительные это были похороны! В них участвовали: семья Бамбус в кимоно, укротитель львов и тигров с траурной повязкой на хлысте, наездник Гало-пинский верхом на вороном жеребце Нероне, глотатели огня с горящими факелами в руках, господин директор Грозоветтер в цилиндре и в чёрных лайковых перчатках, клоуны с мрачно разрисованными лицами, но прежде всего - в роли оратора - знаменитый профессор фокусных наук Йокус фон Покус. В конце своей торжественной речи профессор сказал: - Двое наших коллег, которых мы сегодня оплакиваем, оставили нам в наследство маленького Максика. Незадолго до своего рокового восхождения на

Эйфелеву башню они привели его ко мне в номер и попросили присмотреть за ним до их возвращения. Сегодня мы знаем, что они не вернутся. Поэтому, пока я жив, я буду с величайшим удовольствием заботиться о Максике. Согласен ли ты, мой мальчик? Максик выглянул из бокового кармана его волшебного фрака и громко всхлипнул: - Да, дорогой Йокус! Я согласен! И все присутствовавшие тоже заплакали от горя и радости. Слёзы смыли траур с лиц клоунов. А профессор извлёк прямо из воздуха огромный букет цветов и положил их на могилку. Глотатели огня сунули в рот горящие факелы, и пламя тут же потухло. Оркестр исполнил марш гладиаторов. А потом все во главе с наездником Галопинским и его вороным жеребцом Нероном отправились назад, в цирк. Потому что была среда.

Ведь, как всем известно, по средам, субботам и воскресеньям в цирке дают дневные представления. Для детей. По сниженным ценам.

Глава 2

Спичечная коробка на ночном столике. Минна, Эмма и Альба. Шестьдесят граммов живого веса, но крепкое здоровье. Маленький Человек поступает в школу. Неприятности в Афинах и Брюсселе. Занятия на стремянке. Книги величиной с почтовую марку

Кажется, я уже говорил вам, что Максик спал в спичечной коробке. Вместо шестидесяти спичек в ней помещались ватный тюфячок, клочок одеяла из верблюжьей шерсти, подушка размером с ноготь на моём безымянном пальце и сам Максик. Коробка оставалась наполовину открытой, а то бы он задохнулся. Спичечная коробка лежала на ночном столике рядом с кроватью фокусника. По вечерам, как только профессор Йокус фон Покус поворачивался к стенке и начинал похрапывать, Максик выключал настольную лампу и тоже засыпал. Вместе с ними в номере спали две голубки - Минна и Эмма, а в корзинке крольчиха Альба. Голуби спали на шкафу. Они зарывались головками в перья и тихонько ворковали во сне. Все трое служили у профессора и помогали ему выступать в цирке. Голуби ни с того ни с сего вылетали из рукавов его фрака, а крольчиху неожиданно обнаруживали в пустом цилиндре. Минна, Эмма и Альба очень любили фокусника, а от маленького Максика были просто без ума. Все пятеро завтракали вместе, а потом Максику иногда разрешалось садиться верхом на Эмму, и он совершал круговой полёт по комнате. Длина спичечной коробки - шесть сантиметров, ширина - четыре,

высота два. Именно то, что требовалось Максику! В свои десять и даже двенадцать лет он был не полных пяти сантиметров роста, и спичечная коробка была ему в самый раз. На почтовых весах у швейцара гостиницы он весил шестьдесят граммов. При этом у него всегда был хороший аппетит, и он никогда ничем не болел. Кроме кори. Но корь не считается. Корью болеет каждый второй ребёнок. В семь лет он, конечно, мечтал учиться в школе. Но уж слишком трудным оказалось для него учение. Во-первых, каждый раз при переезде цирка школу приходилось менять. А вместе со школой и язык. Потому что в Германии учили на немецком языке, в Англии - на английском, во Франции - на французском, в Италии - на итальянском, а в Норвегии - на норвежском, Но это было для Маленького Человека не самое трудное: он был очень смышлёный мальчик. Главная же трудность заключалась в том, что все его сверстники были намного выше ростом. И все они воображали, что быть выше ростом - это очень важно. Поэтому бедняге Максику пришлось хлебнуть горюшка, В Афинах, например, три маленькие гречанки как-то на перемене воткнули его в чернильницу. А в Брюсселе два бельгийских озорника посадили его на карниз, который держит шторы. Правда, Максик сам слез оттуда. Потому что лазить он уже и тогда умел лучше всех. Но, конечно, подобные глупости ему вовсе не нравились. И однажды фокусник объявил: - Знаешь что? Я сам буду давать тебе уроки.

- Вот здорово! - воскликнул Максик. - Когда же. мы начнём? - Послезавтра в девять утра, - сказал профессор Йокус фон Покус. - Но только не радуйся заранее! Прошло немало времени, прежде чем они придумали, как им заниматься. Кроме учебников и тетрадей для занятий, понадобились стремянка с пятью перекладинами и сильная лупа. Перед тем как начать читать, Максик забирался на верхнюю ступеньку, потому что буквы были слишком велики для него. Лишь с верхней перекладины он мог обозревать всю страницу. К уроку письма он готовился совсем по-другому. Максик садился за свою крошечную парту. Крошечная парта стояла на огромном столе. А профессор, сидя за столом, в лупу разглядывал каракули Максика. Лупа в семь раз увеличивала написанное - только так профессору удавалось разглядеть слова и буковки. Без лупы и он, и официант, и горничная приняли бы их за чернильные брызги или за мушиные следы. Но в лупу было ясно видно, что это буквы, да к тому же красиво написанные. На уроках

арифметики происходило то же самое. Чтобы разглядеть цифры, опять требовалась лупа. А Максик, чем бы он ни занимался, всегда был в пути. Чтобы списать условия задачи, он то лез на стремянку, то спускался с неё и садился за парту. И так весь урок. Однажды после завтрака официант, убиравший посуду, сказал: - Если бы я не знал точно, что у мальчика урок чистописания, я был бы уверен, что он занимается гимнастикой. Все рассмеялись. И Эмма с Минной тоже, потому что они были из породы хохотуний. Максику не пришлось долго читать по складам. Он очень скоро научился читать так быстро, словно всю жизнь только это и делал. Теперь его невозможно было оторвать от книги. Самой первой его книгой был подарок Йокуса фон Покуса - "Сказки братьев Гримм". Он наверняка прочёл бы её быстрее, чем за неделю, если бы не проклятая лестница. Каждый раз, когда ему надо было перевернуть страницу, он волей-неволей должен был спускаться с лестницы, прыгать на стол, поворачивать страницу и опять взбираться по лестнице на самый верх. Лишь после этого он узнавал, что было дальше. А две страницы спустя ему снова надо было прыгать на стол и бежать к книге! Так продолжалось до бесконечности: от книги - вверх по лестнице, потом спустя две страницы - вниз по лестнице, вверх - вниз, вверх - вниз. Просто с ума сойти! Однажды профессор вошёл в комнату, когда мальчик, в двадцать третий раз поднявшись по лестнице, топал ногами и кричал: - Безобразие! Почему на свете нет совсем маленьких книг с совсем маленькими буквами!

Профессор, увидев сердитого Максика, сначала рассмеялся. Но потом подумал и сказал: - А ведь ты, пожалуй, прав. И если таких книг пока ещё нет, мы их закажем специально для тебя. - А есть такой человек, который может их напечатать? - Понятия не имею, - ответил фокусник. - Но в марте наш цирк будет выступать в Мюнхене. А там живёт часовой мастер, по имени Унру. У него мы всё выясним. - А откуда это может знать часовой мастер Унру? - Он может знать, потому что сам занимается подобными делами. Например, десять лет назад он написал "Песнь о колоколе" Шиллера на обратной стороне почтовой марки. А в этом стихотворении, что ни говори, 425 строк! - Здорово! - ахнул Максик. - Мне бы такую книгу! Чтобы вас не задерживать, скажу сразу: часовщик Унру действительно знал типографию, где можно было отпечатать маленькие книжки. Прошло совсем немного

времени, и мальчику удалось собрать целую библиотеку из таких книжек. Теперь ему не надо было больше заниматься гимнастикой на стремянке. Он мог читать, устроившись поудобнее. Больше всего он любил читать по вечерам, лёжа в спичечной коробке, когда профессор уже спал и только тихо похрапывал. Ах, как это было уютно! Под потолком на шкафу ворковали голуби. А Максик наслаждался какой-нибудь из своих любимых книг: "Карликом Носом", или "Мальчиком с пальчик", или "Нильсом Хольгерсоном", или своей самой любимой - "Гулливером". Иногда профессор сквозь сон ворчал: - Потуши свет, бессовестный! А Максик шёпотом просил: - Ну ещё только одну минуточку, Йокус! Иногда эта "минуточка" длилась целых полчаса. В конце концов он всё же гасил свет и засыпал. И ему снился Гулливер в стране лилипутов. Разумеется, Гулливером, который спокойно перешагивал через высокие городские стены и один уводил в плен весь вражеский флот, был не кто иной, как Максик Пихельштейнер.

Глава 3

Он хочет стать артистом. Высокие люди и великие люди не одно и то же. Разговор в Страсбурге. О профессии переводчика. План профессора разбивается об упрямство Максика

Чем старше становился Маленький Человек, тем чаще у них с Йокусом заходили разговоры о том, кем же в конце концов он собирается стать. И Максик каждый раз заявлял: - Я пойду в цирк. Я буду артистом. А профессор каждый раз качал головой и возражал: - Нет, малыш, это не годится. Ты слишком мал для артиста, - Ты каждый раз по-другому говоришь! - ворчал Максик. - А кто мне рассказывал, что многие знаменитости были маленького роста? И Наполеон, и Юлий Цезарь, и Гёте, и Эйнштейн, и ещё другие. И потом, ты говорил, что высокие люди редко бывают великими, потому что у них вся сила уходит в рост. Профессор почесал голову. Наконец он сказал: - Всё же и Цезарь, и Наполеон, й Гёте, и Эйнштейн никогда не стали бы хорошими артистами. У Цезаря, например, были такие короткие ноги, что он с трудом влезал на коня. - Но я ведь вовсе не собираюсь быть наездником, - возражал мальчик. Разве мои родители были плохие артисты? - Что ты! Чудесные! - А они были большие? - Нет. Маленькие, и даже очень. - Значит, милый Йокус... - Никаких "значит"! - сердился фокусник. - Они были маленькие, но ты в десять раз меньше. Ты слишком мал. И если ты встанешь посреди манежа, тебя

никто из публики даже не заметит. - Тогда пусть берут с собой бинокли, - заявил Маленький Человек. - Знаешь, кто ты такой? - мрачно спросил профессор. - Ты большой упрямец! - Нет, я совсем маленький упрямец! И... - И? - переспросил профессор. - ...и я буду артистом! - заорал Максик во всё горло, так громко, что Альба от страха выронила изо рта листик зелёного салата. Однажды вечером после очередного представления - это было в городе Страсбурге - они сидели в ресторане гостиницы, и господин профессор Йокус фон Покус уплетал гусиный паштет с трюфелями. Обычно он ел по-настоящему лишь после представления, иначе фрак ему становился тесен, а это мешало показывать фокусы. Потому что во фраке были спрятаны самые разные вещи. Например, четыре колоды игральных карт, пять букетов цветов, двадцать бритвенных лезвий и восемь горящих сигарет. А кроме того, ещё и голуби Минна и Эмма, белая крольчиха Альба и вообще всё, что нужно для фокусов. Поэтому с едой лучше было не торопиться. Итак, Йокус сидел за столом, ел страсбургский паштет с поджаренным хлебом, а Максик сидел на столе рядом с тарелкой и лакомился крошками. Потом подали венский шницель, салат из фруктов и чёрный кофе. Мальчику досталось по кусочку от каждого блюда и целая четверть глотка кофе. Оба наелись и, довольные, вытянули ноги: профессор - под столом, а Маленький Человек - на столе. - Теперь я знаю, кем ты будешь, - сказал Йокус, выпустив изо рта удивительно красивое белое кольцо дыма. Мальчик восхищённо следил за этим кольцом, которое становилось чем больше, тем тоньше, пока не растаяло, ударившись о люстру. Потом он сказал: - Ты только теперь узнал? А я всегда знал. Я буду артистом. - Нет, - буркнул профессор. - Ты будешь переводчиком. - Переводчиком? - Это очень интересная работа. Ты ведь уже знаешь немецкий язык, порядочно владеешь английским и французским, немного итальянским и испанским... - И голландским, и шведским, и датским, - продолжал Маленький Человек. - Вот именно, - подхватил профессор. - Если мы и дальше будем кататься по Европе с нашим цирком, ты эти языки выучишь ещё лучше. Потом, в Женеве, ты сдашь экзамены в знаменитой Женевской школе переводчиков. Как только ты их сдашь, мы с тобой поедем в Бонн. Там у меня есть один знакомый. - Тоже фокусник? - Нет, подымай выше! Он чиновник. Он начальник службы печати при федеральном канцлере. Я покажу ему твой женевский

диплом, и тогда ты, если всё пойдёт гладко, станешь переводчиком при министерстве иностранных дел или даже личным переводчиком канцлера. А канцлер - это самая главная и самая важная персона. И так как он часто бывает за границей, чтобы вести переговоры с другими канцлерами, то ему нужен хороший переводчик. - Но ведь не мальчик с пальчик ему нужен! - Вот именно мальчик с пальчик! Чем меньше рост, тем лучше, - пояснил профессор. - Например, берёт он тебя в Париж, где ему надо что-то обсудить с президентом. Что-то очень секретное. Что-то ужасно важное. Но немецкий канцлер не очень-то понимает по-французски. Ему нужен переводчик, который бы ему объяснил, что именно говорит французский президент. - И этим переводчиком обязательно должен быть я? - Обязательно, мой мальчик, - подтвердил профессор. Он был очень увлечён своей идеей. - Ты садишься в ухо канцлеру и шепчешь ему по-немецки то, что президент говорит по-французски.

- А если я вывалюсь из уха? - спросил Максик. - Не вывалишься. Во-первых, у него, наверное, такие большие уши, что ты сможешь уютно устроиться внутри. - А во-вторых? А если у него маленькие ушки? - Тогда он приделает к уху золотую цепочку вроде серьги, и ты будешь на ней висеть, и у тебя будет титул: "Тайный советник Макс Пихельштейнер", а чиновники будут тебя почтительно величать "лицом, близким уху канцлера". Разве это не здорово? - Нет, - решительно отрезал Максик. - По-моему, даже очень противно. Я не буду сидеть в ухе. Ни во Франции, ни в Германии, ни на Северном полюсе. А главное, ты забыл главное... - А что же главное? - Главное - это то, что я стану артистом.

Глава 4

Маленький Человек хочет стать укротителем. Разве львы не кошки? Максик в стакане. Отчёт о необыкновенном футбольном матче. Йокус прыгает сквозь горящий обруч

На третий день пребывания артистов в Милане, куда цирк "Стильке" вот уже в который раз приезжал на гастроли, Максик, не помня себя от волнения, сказал профессору: - Йокус, важное сообщение! Кошка в гостинице окотилась. У неё четверо котят. Они живут в двести двадцать восьмом номере и всё время прыгают с кресла на стол и со стола в кресло. - Ну что ж, - заметил профессор, - это вполне разумно. Не могут же они постоянно сидеть на столе... Но

Маленькому Человеку сегодня было не до шуток. - Мне горничная их показала, - продолжал он, волнуясь ещё больше. - Они полосатые, совсем как маленькие тигрята. - Они тебя не поцарапали? - Ну что ты, конечно, нет, - уверял мальчик. - Мы даже очень подружились. Они мурлыкали, а я кормил их рубленым мясом. Профессор посмотрел на мальчика исподлобья. Потом он спросил: - Ты что это задумал? А ну-ка выкладывай поскорее! Максик глубоко вздохнул и объявил: - Я стану дрессировщиком, и мы вместе будем выступать в цирке. - Кто это "мы"? Ты и горничная? - Нет, - возмутился мальчик, - я и котята. Потрясённый Йокус фон Покус упал на стул и целые две, а то и три минуты безмолвствовал. Потом он помотал головой, вздохнул и сказал: - Кошки дрессировке не поддаются. Разве ты этого не знаешь? Максик загадочно улыбнулся. Потом он спросил: - А львы - это кошки? - Да. Они относятся к семейству кошачьих. Ты прав. - А тигры? А леопарды? - Тоже. Ты и тут прав. - А укротитель может их заставить сесть на тумбы или прыгнуть сквозь обруч? - Даже сквозь горящий обруч! - подтвердил профессор. Мальчик радостно потирал руки. - Вот видишь! - торжествовал он. - Если можно выдрессировать таких огромных кошек, то уж котят, и подавно. - Нет, - энергично возразил профессор, - этого сделать нельзя. - Почему? - Понятия не имею. - А я знаю почему! - гордо заявил Максик. - Почему же? - Потому что никто никогда этого не пробовал. - А ты собираешься попробовать? - Да! И я даже придумал название номеру. На афишах будет сказано: "Захватывающее зрелище! Впервые на арене цирка! Максик и его четверо котят!" Может быть, я даже появлюсь в чёрной маске. А кроме того, мне понадобится хлыст, чтобы им щёлкать. Он у меня уже есть. Я возьму кнут от своей старой игрушечной кареты. - Ну что ж, в таком случае желаю успеха, мой юный друг, - сказал господин фон Покус и раскрыл газету.

Уже на следующее утро горничная принесла в 228-й номер четыре низенькие скамейки. Четверо котят с любопытством стали обнюхивать их, но скоро уползли назад в свою корзину и лениво свернулись в ней клубком. Потом появился официант. В левой руке он нёс тарелку с мясным фаршем, в правой - Максика. Максик, в свою очередь, держал в правой руке лакированный игрушечный хлыст, а в левой - острую зубочистку. - Для самообороны, - объяснил он. - В случае нападения хищников на укротителя. А также для подачи пищи. - Мне остаться? -

любезно предложил официант. - Нет, я прошу вас уйти, - сказал Маленький Человек. - Это лишь затруднит дрессировку и будет отвлекать животных. Официант удалился. Укротитель остался наедине со своими четырьмя жертвами. Они подмигивали ему, бесшумно зевали, потягивались и облизывали друг друга, словно их неделю не купали. - Внимание! - властно крикнул мальчик. - С ленью надо распрощаться. Начинаем работать! Котята, притворяясь глухими, продолжали облизывать друг друга. Максик свистнул, щёлкнул языком, сунул под мышку зубочистку, хлопнул в ладоши, щёлкнул хлыстом, топнул ногой. Котята и ухом не повели. И только когда Максик, подцепив зубочисткой несколько крошек мяса, положил их на скамейки, котята оживились. Они выпрыгнули из корзинки, вскочили на скамейки, проглотили мясо, облизнулись и выжидательно посмотрели на укротителя. - Правильно! - воскликнул тот восторженно. - Молодцы! Теперь сделайте стойку! Гоп! Передние лапы вверх! Он поднял хлыст. Но котята, по-видимому, его не поняли. Или же они почуяли, что в 228-м номере есть ещё мясо. Во всяком случае, они повскакали со скамеек на пол и побежали прямо к тарелке. Они с такой жадностью на неё набросились, словно помирали с голоду. - Назад! - возмущённо заорал Маленький Человек. - Немедленно прекратить! Вы что, оглохли? Но они не могли ему подчиниться. Даже если бы и захотели. Правда, они вовсе и не хотели этого. Они так чавкали, что даже тарелка задрожала. И Максик тоже дрожал. От возмущения. - Мясо получите потом! Сначала придётся делать стойку. Потом бегать гуськом! Потом прыгать со скамейки на скамейку! Понятно? Он ударил хлыстом по тарелке. Но тут котёнок выхватил у него красный лакированный кнутик и перегрыз его пополам. Когда профессор Йокус фон Покус, о чём-то задумавшись, возвращался по коридору к себе в номер, из 228-й комнаты до него донёсся жалобный писк. Он распахнул дверь, осмотрелся и захохотал. Четверо котят сидели под умывальником и кровожадно глядели вверх. Усы у них ощетинились. Хвостики стучали по полу. А наверху, на самом краю умывальника, сидел в стакане Максик и горько плакал. - Йокус, спаси меня! - хныкал он жалобно. - Они хотят меня съесть!

- Чепуха! - сказал профессор. - Ты ведь не мышь! Он вынул мальчика из стакана и тщательно осмотрел его со всех сторон. - Костюм немного порван, и на левой щеке царапина. Вот и всё. -

Подлецы! - сердился Максик. - Сначала они сломали хлыстик, а зубочистку всю изжевали. А потом стали играть в футбол. - А где они взяли мяч? - Мячом был я, дорогой Йокус. Они меня подбрасывали, ловили, загоняли под кровать, потом доставали оттуда, гоняли по паркету, опять бросали вверх, опять загоняли под кровать и вытаскивали из-под неё. Просто жуть! Не взберись я по полотенцу на умывальник, меня бы уже, наверное, не было в живых. - Бедняжка, - пожалел его профессор. - Ну ничего. Самое страшное позади. Я тебя умою и уложу в постель. Четверо котят раздосадованно смотрели вслед уходящему профессору. Им было обидно, что этот большой человек отнял у них мячик, который так смешно орал, когда с ним играли. Потом котята, потянувшись, заковыляли к тарелке и сунули в неё носы. Они уже успели забыть, что тарелка давным-давно пуста. Самый умный котёнок подумал: "Не повезло" - и свернулся калачиком на подстилке. "Есть можно, только когда кто-нибудь приносит еду, - думал он, засыпая. - А вот спать можно и без посторонней помощи".

Тем временем Максик печально сидел в своей спичечной коробке с пластырем на щеке и пил из малюсенькой фарфоровой чашечки горячий шоколад. Профессор, вставив в глаз лупу, штопал мальчику костюм. - Ты совершенно уверен, что кошки не поддаются дрессировке? - спросил Максик. - Совершенно уверен. - Разве они глупее львов и тигров? - Ничуть, - убеждённо ответил профессор. - Им это просто не нравится. Я их вполне понимаю. Мне бы тоже не нравилось прыгать сквозь горящие обручи. Максик засмеялся. - А жаль! Как было бы здорово: в зрительном зале одни тигры, кенгуру, медведи, морские львы, лошади и пеликаны. Только подумай! И объявление: "Все билеты проданы". - От восторга он даже дёрнул себя за чуб. - Ну, а теперь ты дальше придумывай! - Хорошо, - согласился профессор. - Слоны в оркестре играют туш. Потом на манеж выходит лев. В лапе он держит хлыст. На жёлтой гриве у него цилиндр. В зале полнейшая тишина. Четыре мрачных тигра выкатывают на манеж клетку. В клетке сидит господин во фраке и мурлычет. - Здорово! - Максик потёр руки. - Этот господин - ты! - Так точно, я. Лев широким жестом снимает цилиндр, раскланивается и кричит: "Теперь, многоуважаемые господа звери, вы увидите главный номер нашей программы. Мне удалось выдрессировать человека. Его имя - профессор Йокус фон Покус. На ваших глазах он прыгнет сквозь

горящий обруч. Дятлов попрошу пробить барабанную дробь. Дятлы забарабанили. Клетка открывается. Два тигра держат на весу обруч. Лев щёлкает хлыстом. Я медленно вылезаю из клетки, громко чертыхаюсь. Лев ещё раз щёлкает хлыстом. Я залезаю на тумбу и чертыхаюсь ещё сильнее. Светлячки поджигают обруч. Он вспыхивает. Лев шлёпает меня хлыстом пониже спины. Я реву от бешенства. Лев ещё раз ударяет меня хлыстом. И тогда я одним прыжком проскакиваю сквозь горящий обруч. Бумага с треском лопается. Языки пламени вздрагивают. Дятлы выбивают барабанную дробь. Я поднимаюсь с песка, отряхиваю штаны и отвешиваю низкий поклон публике. - И все звери в цирке как сумасшедшие хлопают в ладоши! - радостно воскликнул Маленький Человек. - А лев тебе в награду даёт отбивную котлету. - А ты, дружок, спи! - приказал профессор. Он взглянул на часы. - Сегодня среда, у меня дневное представление. - Ни пуха ни пера! - пожелал Максик. - И ещё я тебе должен сказать одну вещь. - Какую именно? - Я всё равно буду артистом!

Глава 5

Прогулка мимо витрин с манекенами. Продавец падает в обморок. Магазин мужской одежды, в конце концов, не больница. Разница между государственным мужем и мужем молочницы

Однажды жарким июльским полднем профессор и Максик прогуливались по Западному Берлину, разглядывая витрины магазинов. Собственно, прогуливался-то один профессор. Максик не прогуливался, а стоял в нагрудном кармане профессора и, облокотившись на его край, как на перила, разглядывал игрушки, сласти и книги. Но профессор с ещё большим удовольствием рассматривал витрины с обувью, мужскими сорочками, галстуками, сигарами, зонтами, винами и прочими малоинтересными вещами. - Пожалуйста, не стой так долго перед аптекой, - взмолился мальчик. Пойдём дальше! - Пойдём? - подхватил Йокус. - При чём тут "пойдём"? Насколько мне известно, идёт только один из нас, а именно я. Что же касается тебя, то тебя везут, дорогой мой. Ты весь в моих руках. - Не в руках, а в кармане, - возразил мальчик. Оба рассмеялись. Люди стали оборачиваться. Один толстяк, толкнув в бок свою жену, шепнул ей: - Чудеса, Рика! Мужчина смеётся на два голоса. - Пусть себе смеётся, - ответила Рика. - Наверное, он чревовещатель. Профессор довольно долго стоял перед витриной с мужской одеждой,

разглядывая манекены в нарядных костюмах. Наконец он отошёл, но, пройдя несколько шагов, тут же вернулся обратно и, погрузившись в раздумье, уже не отходил от витрины. Потом он три раза кивнул головой и вслух сказал самому себе: - Не так уж глупо! - Что - не так уж глупо? - полюбопытствовал Максик. Но профессор, не отвечая, прямо пошёл в магазин. - Мне нужен синий костюм с витрины, - решительно заявил он щеголеватому продавцу, - однобортный, за двести девяносто пять марок. - С удовольствием, сударь. Но я боюсь, что он вам не подойдёт. - А это и не требуется, - буркнул профессор. - Может быть, понадобится подгонка, - вежливо предложил продавец. - Я попрошу нашего портного заняться вами. - Пусть занимается своим делом. - Но он очень скоро придёт, уверяю вас. - Без него дело пойдёт ещё быстрее. - Наша фирма придаёт большое значение хорошему обслуживанию покупателя, обиженно заметил продавец. - Весьма похвально, - отозвался профессор, - но я вовсе не собираюсь надевать костюм. Я его хочу просто купить.

- В этом случае очень рекомендую, чтобы господин, для которого вы покупаете костюм, соблаговолил прийти к нам, - предложил продавец. - Или же дайте нам его адрес, и мы пошлём к нему портного. Он будет у него сегодня же во второй половине дня. Продавец вынул блокнот, чтобы записать адрес. Профессор отрицательно покачал головой. - Костюм, который я собираюсь купить, не предназначен для живого человека. Продавец побледнел, отступил на шаг и простонал: - Значит, он умер? О, какое горе! - Он глубоко вздохнул. - Будьте добры, укажите размер вашего уважаемого покойника. Ведь и ему костюм должен быть по росту. Тогда я попрошу нашего портного... - Что за бред! - грубо оборвал его профессор. Но тут же смягчился. - Вы, конечно, не можете знать, о чём идёт речь. - Конечно, - признался насмерть перепуганный продавец. Он ухватился за прилавок, потому что колени его дрожали. Бедный малый трясся как в лихорадке. - Главное, чтобы костюм был впору манекену. Надеюсь, он ему годится? - Разумеется, сударь. - Дело в том, что я покупаю костюм вместе с манекеном, - объяснил профессор. - Костюм отдельно от манекена меня не интересует. Не успел продавец немного прийти в себя, как чей-то тоненький голосок спросил: - На что тебе эта большая кукла с усами? Продавец осторожно взглянул на карман необычного покупателя. Максик приветливо кивнул продавцу и сказал: -

Пожалуйста, не пугайтесь. - Как тут не испугаться... - дрожащим голосом пролепетал продавец. Сначала костюм для покойника, а потом этот мальчик с пальчик в кармане. Это уж слишком! И, закатив глаза, продавец рухнул на ковёр. - Он умер? - осведомился малыш. - Нет, у него просто обморок, - ответил Йокус и подозвал заведующего. - А в самом деле, зачем нам понадобился манекен? - спросил малыш. - Потом расскажу, - шепнул Йокус. Прибежавший заведующий усадил продавца на стул, чтобы тот скорее пришёл в себя. Профессор ещё раз повторил свою просьбу: - Мне нужен однобортный мужской костюм цвета морской волны вместе с манекеном, сорочка, галстук, подтяжки, ботинки и носки. Словом, всё, что на манекене. Сколько всё это будет стоить? - Точно не помню, сударь, - промямлил заведующий. Пошевелив бледными губами, продавец чуть слышно пролепетал: - Пятьсот двенадцать марок. При уплате наличными - один процент скидки. Итого - пятьсот шесть марок восемьдесят восемь пфеннигов. Было видно, что он прекрасно знал своё дело. И, сказав это, он снова съехал со стула. - Опять обморок, - деловито отметил Максик. Заведующий услышал новый голос, увидал маленького мальчика в кармане большого пиджака, вытаращил глаза и в ужасе схватился за спинку стула. - Этот господин тоже упадёт в обморок? - с надеждой в голосе спросил Максик. - Надеюсь, что нет, - ответил профессор. - В конце концов, это не больница, а магазин мужской одежды. Постепенно заведующий и продавец стали приходить в себя. Покупка состоялась. Профессор заказал такси. Верх машины пришлось откинуть, чтобы манекен мог стоять во весь рост. Профессор придерживал его за ноги. - Этот тип похож на иностранного президента! - воскликнул один берлинец, увидев такси. - Ничего подобного! - заметил другой.

- Почему же нет? - спросил первый. - Кто ещё будет стоять во весь рост в машине? - Хорош президент, ничего не скажешь, - упрямо повторил другой. - Почему он не улыбается и не приветствует публику? Ведь как государственный муж он обязан это делать. Он должен показать всем, что он счастлив прибыть в Берлин и что от восторга даже не может сесть. Если это, конечно, настоящий государственный муж! На перекрёстке машина остановилась, и оба берлинца побежали за ней рысцой. Но не успели они добежать, как зажёгся зелёный свет, и они остались ни с чем. - Кроме того,

государственный муж никогда не ездит в такси, - заметил первый. - Ни стоя, ни сидя. - Я тоже никогда не ездил в такси, - возразил другой. - Ах вот как! А разве вы - государственный муж? - Нет, я - муж молочницы!

Глава 6

Волнение в гостинице "Кемпинский". Кем был Йокус, прежде чем стал фокусником? И зачем он купил манекен?

В гостинице "Кемпинский", где проживал Йокус фон Покус, тоже царило волнение. К мальчику, спавшему на ночном столике в спичечной коробке, здесь постепенно привыкли. Но, увидев, как двое рабочих на глазах у изумлённой публики тащат к лифту манекен, директор гостиницы и швейцар очень разволновались. Только рабочие успели поставить куклу посреди комнаты, как в номер ворвался директор. - Что всё это значит? - грозно спросил он, укоризненно глядя сквозь роговые очки. - Что "что значит"? - дружелюбно переспросил его профессор, словно не понимая причины такого волнения. - Манекен с витрины! - Он мне нужен для работы, - разъяснил Иокус. - Музыканты могут привезти в гостиницу даже рояль и греметь на нём целыми днями. Они артисты и должны упражняться. А я - фокусник, то есть тоже артист, и тоже должен упражняться. Причём я никогда не подымаю такого шума, как мои коллеги певцы и пианисты. - Он ухватил директора за фалду пиджака и дружески похлопал по плечу. - Что же вас так волнует, дорогой друг? - Это становится просто невыносимым, - причитал директор. - Ваш Максик, два голубя и белый кролик, а теперь ещё эта деревянная кукла в голубом костюме. Профессор отечески прижал к груди совершенно подавленного директора и погладил его по волосам. - Пусть это вас не беспокоит! В постели манекен не нуждается. Полотенца ему тоже не нужны. Сигаретами скатерть он не прожжёт. Горничную не обругает. - Всё это прекрасно, господин профессор, - согласился директор. - Но, в конце концов, у вас номер на одного, а живут в нём, кроме вас, Маленький Человек, трое зверей да ещё теперь эта кукла. Итого - пять персон. - Ах вот к чему вы клоните! - рассмеялся фокусник. - Вы бы согласились с такой перенаселённостью этого очаровательного номера окнами на юг, если бы я увеличил суточную плату на пять марок? - Об этом можно будет поговорить, - последовал неуверенный ответ. Разрешите сообщить о вашем ценном предложении в бухгалтерию? -

Разрешаю, - ответил профессор и, долго пожимая его руку, добавил: Лучше всего всё оформить сразу. Вот вам моя авторучка. - Спасибо. У меня всегда при себе шариковая ручка и блокнот. Без них я не могу работать. Это мои орудия производства. Директор элегантным жестом сунул руку в карман. Но - увы! - он был пуст.

- Странно, - пробормотал директор. - Ни блокнота, ни ручки. Не мог же я их забыть у себя в кабинете! Первый раз в жизни со мной такое случается. Он продолжал поиски. И вдруг побледнел как мел и прошептал: - Бумажника тоже нет. В нём была куча денег. - Прежде всего спокойствие, - сказал Йокус фон Покус. - Выкурите сначала сигарету. И меня угостите. - С удовольствием, - сказал директор и с готовностью сунул руку в правый карман. Потом в левый. Потом в карманы брюк. Лицо его вытянулось. - Тоже забыл, - пробормотал он. - И портсигар, и золотую зажигалку. - Я вам могу помочь, - сказал профессор, вынимая из кармана портсигар и золотую зажигалку. Директор гостиницы посмотрел на профессора с изумлением. - Что с вами? Вам нехорошо? - Прошу прощения, - сказал директор нерешительно, - но можно ли предположить, что портсигар и зажигалка, господин профессор, принадлежат не вам? Что они мои? Йокус внимательно осмотрел оба предмета и удивился: - В самом деле? - На портсигаре выгравирована моя монограмма "Г" и "Х" - Густав Хинкельдей. Это моё имя. - "Г" и "Х"? - повторил профессор и снова посмотрел на портсигар. - Так оно и есть, господин Хинкельдей. Он тут же вернул ему обе вещи. - Простите, ради бога, за откровенность, с какою я указал вам на... смущённо начал директор. - Ну что вы, что вы, господин Хинкельдей! Если кому из нас и надо извиниться, так это мне. Из-за этой дурацкой рассеянности ко мне вечно попадают чужие вещи. Профессор тщательно ощупал свои карманы. - Вот те на! - воскликнул он удивлённо и вытащил на свет божий записную книжку и шариковую ручку. - Это, случайно, не ваше добро? - Да, конечно! - поспешил подтвердить директор, молниеносно выхватив их из рук профессора. - Я никак не мог себе объяснить пропажу записной книжки. На мгновение он умолк и задумался. А потом недоверчиво спросил: - Не прихватили ли вы по рассеянности и мой бумажник? - Надеюсь, что нет, - ответил профессор, похлопывая себя по карманам. Хотя, впрочем... А это не он? В его левой руке появился чёрный сафьяновый бумажник. - Так и есть! - воскликнул

директор и, вырвав бумажник из рук профессора, поспешил к дверям, словно опасаясь, как бы бумажник не исчез снова. - Деньги ещё в нём? - насмешливо спросил Йокус. - Да. - Лучше пересчитайте-ка их. Мне бы не хотелось, чтобы вы потом говорили, что у вас не хватило денег. Наденьте очки и пересчитайте бумажки! - Очки? Но ведь они на мне! - сказал господин Хинкельдей. Маленький Человек покатился со смеху, а Хинкельдей, совсем одурев, схватил себя за нос и в замешательстве опустил руку. - Куда же они делись? - Куда кладут очки, когда их по рассеянности снимают? - участливо спросил профессор. - Я-то ведь не знаю: никогда в жизни очков не носил. Может, они у вас в футляре? Маленький Человек чуть не подавился от смеха. - Йокус, милый, хватит! - кричал он, захлёбываясь от восторга. - Я больше не могу. Я со смеху вывалюсь из кармана! Директор мрачно посмотрел на него. - Что тут смешного? - проворчал он. Но вдруг обнаружил на носу у профессора свои очки. Одним прыжком директор очутился посреди комнаты, схватил очки, отскочил к двери и крикнул: - Вы не человек, а дьявол! - Нет, я - фокусник, господин Хинкельдей. Но директор гостиницы решил, что дальнейшие разговоры бесполезны. Он распахнул дверь и тут же испарился (хотя в номере было не так уж жарко). Насмеявшись вдоволь, Максик сказал, не скрывая восторга: - Господин Хинкельдей совершенно прав: ты - сам дьявол! Я столько раз видел, как ты вызывал из публики двух-трёх зрителей и очищал их карманы, а они совсем ничего не замечали.

- Пустяки! Нужно только завести приятную беседу, - объяснил профессор. Дружески похлопать человека по плечу. Потянуть его за пуговицу. Сделать вид, что снимаешь с костюма крошку табака или нитку. Всё остальное несложно, если этому научиться. - А как ты научился? И где? Подсади меня, пожалуйста, поближе к уху, ладно? Я тебя спрошу по секрету. Профессор осторожно вынул Маленького Человека из кармана и поднёс его к уху. - Миленький Йокус, - прошептал Максик. - Не бойся. Я никому не скажу. Ты когда-нибудь был карманным воришкой? - Нет, - тихо ответил профессор. - Нет, мой Максик. - Он улыбнулся и поцеловал мальчика в кончик носа, а это было совсем не так уж просто. - Я никогда не был карманником. Но я изловил очень много карманников. - Ого-го! - Для этого мне пришлось выучиться их ремеслу. - Да, да. Понятно. Но кому же ты их отдавал? - Полиции. - Вот это да! - А что в этом удивительного? В юности я

мечтал стать сыщиком и прославиться на весь мир. - А дальше? - взмолился Максик. - Дальше - в другой раз. А сегодня я расскажу тебе кое-что про манекен, который мы с тобой купили. - Я уже и забыл о нём. - Тебе часто придётся о нём вспоминать, - заметил профессор. - Потому что купили мы его для тебя. - Для меня? Зачем? - Затем, что ты решил стать артистом. Не так ли? Маленький Человек удивился: - И для этого нам понадобилась такая огромная кукла? Каким же артистом я должен стать, дорогой Йокус? - Помощником фокусника! - ответил фокусник.

Глава 7

Об учениках булочников и мясников, об ананасном торте и об учениках фокусников. Манекена зовут Вольдемар Чурбанн. Песня о Невидимке Верхолазе

Итак, Маленький Человек стал учеником фокусника и, конечно, был этому очень рад. Но он радовался бы куда больше, если бы знал, что же это, собственно говоря, такое - быть учеником фокусника. - Что такое ученик булочника, я знаю, - сказал он. - Ученик булочника учится тому, чему булочник уже выучился. Ученик булочника учится выпекать хлеб, булки, яблочные пирожки и ананасные торты. - Правильно, - подтвердил профессор. - А ученик мясника учится резать свиней, жарить колбасу и делать студень. - Верно. - А потом ученик, если он только прилежный, становится подмастерьем. Значит, и я когда-нибудь стану подмастерьем? - Не исключено. - А если я... - начал Максик. - Стоп! - крикнул профессор. - А мастером ты хочешь стать? Маленький Человек покачал головой: - Я хочу кусочек ананасного торта. Пожалуй, это всё, что мне нужно для счастья. - Ты маленький обжора, - сказал профессор и заказал по телефону порцию ананасного торта, а для себя - рюмку коньяка. Потом он сел в своё пёстрое кресло и стал объяснять: - Случай действительно сложный. Ученик булочника учится делать то, что умеет делать его учитель - булочник. Ученик жестянщика учится делать то, что умеет делать жестянщик. - А ученик мясника... - О нём мы не будем говорить. - Почему? - спросил Максик. - А то тебе захочется жареной колбасы, - ответил Йокус. - Лучше остановимся на жестянщике. - Хорошо. Значит, я буду учиться тому, что ты уже умеешь, - сказал Маленький Человек. - Но ведь этому я никак не смогу научиться! Ну как я смогу проглотить двадцать больших лезвий, а потом вытянуть их за нитку изо рта? Или,

например, где мне взять такого маленького кролика, чтобы он уместился в моём цилиндре? Разве что в стране лилипутов, но ведь такой страны на самом деле нет! И потом, игральные карты, твоя волшебная палочка и букеты цветов и сигареты - всё это для меня слишком большие вещи. Профессор кивнул! - Я тебе уже говорил: случай сложный. Все ученики в мире учатся тому, что умеет делать их учитель, - будь то ученик булочника, или жестянщика, или портного, или сапожника... - Или мясника, - добавил Максик и захихикал. - Да, и он тоже, - подтвердил Йокус. - Ты же будешь единственным в мире учеником, который будет учиться тому, что твой учитель не умеет и не может делать. - Но ты можешь всё! - Разве я могу спать в спичечной коробке? Или летать верхом на Минне по комнате? - Ты прав. Этого ты не можешь. - Или могу я, например, - продолжал профессор, - высунуться из кармана? Могу я по занавеске взобраться на карниз? Или пролезть сквозь замочную скважину? - Нет, не можешь! Ой, сколько ты всего, оказывается, не можешь! Вот здорово! - Здорово или нет, - продолжал профессор, - но это так. Ты ученик фокусника, а я твой учитель, и я научу тебя вещам, которых сам делать не могу. На этом месте их прервали. В комнату вошёл официант. Он принёс коньяк и порцию ананасного торта. При этом он чуть не сбил с ног манекен. - Вот те на! - воскликнул он. - Это ещё кто такой? - Это красавец Вольдемар, - представил его Йокус. - Наш дальний родственник. - Красивый малый! - сказал официант. - А фамилия у него есть? - Фамилия его Чурбанн, - очень серьёзно ответил Максик. - Вольдемар Чурбанн. - Чего только не насмотришься в гостиницах! - заметил официант. Он отвесил манекену поклон и, сказав: - Желаю приятно провести время в Берлине, господин Чурбанн! - вышел из номера. Когда профессор выпил свой коньяк, а Максик, орудуя крошечной серебряной вилочкой, отломал кусочек ананасного торта, у них начались занятия. - Недавно ты наблюдал, как я обвёл вокруг пальца директора Хинкельдея, начал урок профессор. - Наблюдать-то я наблюдал, да ровным счётом ничего не видел. Даже вот номер с очками. Я их заметил уже на твоём носу. - А хочешь знать, как я этому научился? Ведь когда-то я тоже был учеником и должен был долго-долго тренироваться. - На чём? - На манекене, одетом в синий костюм. - Правда? И на таком же красивом, как Вольдемар? - Вольдемар куда красивее, - признался профессор. - Но мы не позволим этой

сногсшибательной красоте сбить нас с толку. Кроме того, если ты каждый день будешь лазить по нему вверх и вниз, он, пожалуй, не покажется тебе таким прекрасным? - Что ты сказал? - испуганно спросил Максик. - Каждый день лазить вверх и вниз? - Да, сынок. От воротника до башмаков и от башмаков до галстука. Сверху вниз и снизу вверх, в карманы и из карманов. Проворно и быстро, как белка, и бесшумно, как муравей в тапочках. В общем, научишься. Ведь вы, Пихельштейнеры, знаменитые гимнасты. - Йокус, а для чего мне надо этому учиться? - Для того, чтобы ты мог помогать мне в цирке. Я буду приглашать в манеж очень достойных джентльменов и дурачить их ещё искуснее, чем делал это до сих пор. - Тогда ты и я... нет, тогда я и ты... нет, опять не то... тогда мы с тобой будем шайкой разбойников. - Вот именно. - Ты атаман. А я кто? - А ты - Невидимка Верхолаз. Маленький Человек потирал руки. Он это часто делал, когда чему-нибудь очень радовался. - Это годится для песни! - крикнул он. И тут же запел: - "Я Невидимка Верхолаз... на Вольдемара влез сейчас..." - Ну, а дальше? - А дальше твоя очередь. - Хорошо, - сказал профессор и запел: - "А после я и Йокус покажем... в цирке..." - "Фокус"! - заорал Максик. - Теперь давай ещё раз с самого начала. Только как можно громче! Профессор поднял руки, как дирижёр, и взмахнул ими, давая знак вступить. Они заорали в обе глотки:

- Я - Невидимка Верхолаз... На Вольдемара влез сейчас. А после я и Йокус Покажем в цирке фокус.

Маленький Человек восторженно захлопал в ладоши. - Пожалуйста, споём ещё три или четыре раза. Очень хорошая песня получилась! И они пели и пели до тех пор, пока в комнату не постучал официант. Он спросил озабоченно, не заболел ли кто из них или, не дай бог, оба сразу. - Нет, мы совсем здоровы! - крикнул Маленький Человек. - Мы просто спятили, - объяснил профессор. Они медленно пропели ему свою песню, а потом спели её уже втроём. Позднее в комнату вошла горничная. Она была ещё больше взволнована, чем официант. Но её тоже быстро успокоили. Теперь они уже пели вчетвером. Получилось что-то вроде концерта. Только немножечко хуже.

Вечером Максик, потягиваясь и зевая в своей спичечной коробке, сказал: - Значит, это был первый день моего обучения. - Да, и притом самый лёгкий, - добавил профессор. - С завтрашнего дня мы начнём

работать. Потушите-ка свет, Невидимка Верхолаз. - Слушаюсь, господин атаман! Максик выключил свет. В окно светила луна. Красавец Вольдемар стоя спал посреди комнаты. Голубки Минна и Эмма устроились рядышком на его деревянной макушке. Конечно, это было не так удобно, как на шкафу, но зато что-то новое! Профессор захрапел. А Маленький Человек тихонько напевал про себя:

А после я и Йокус Покажем в цирке фокус.

На этом месте глаза его стали слипаться.

Глава 8

"Максик-альпинист". Перепутанные фраки. Три сестры Марципан. Что такое батут? Галопинский - фокусник на коне. Йокус фон Покус отказывается выступить

Каждое утро они несколько часов посвящали тренировкам. После занятий Маленький Человек купался в крышке от мыльницы. Они тренировались во всех городах, куда цирк "Стильке" приезжал на гастроли. В пути манекен лежал в багажной сетке, и нужно было следить за тем, чтобы Вольдемар из неё не вывалился. Они никогда не ездили в вагонах, принадлежащих цирку, в вагонах, которые прицеплялись к одному или нескольким товарным составам: тут был вагон-ресторан, вагон с лошадьми и с клетками, в которых рычали хищники, вагон с шатром и с проводами для тысячи электрических лампочек, вагон с музыкальными инструментами, отопительной системой, трапециями, канатами, плакатами, вывесками, костюмами, коврами, стульями, тумбами, бамбуковыми штангами, кассами, сторожами, бухгалтершами и слесарями, монтёрами и инструментами, сеном и соломой, а также вагон для директора Грозоветтера, и его жены, и его четырёх дочерей, и двух сыновей, и зятьёв, и невесток, и семи внуков, и... и... и... вот я и запутался... О чём, бишь, это я рассказывал? Ах, вспомнил! Они путешествовали не с цирком, а только в скором поезде. И жили они не в вагонах, а в гостиницах. - Я очень люблю цирк, - говорил он. - Но только тогда, когда в нём полно зрителей. Кроме того, я люблю жизнь и хорошую погоду. - И меня! - крикнул Максик во всё горло. - Тебя, - нежно сказал Йокус, - я люблю даже на целый сантиметр больше, чем хорошую погоду. Полгода спустя Маленький Человек взбирался на красавца Вольдемара, как альпинист на Альпы или на горы Саксонской Швейцарии. Только с той разницей, что он не был привязан канатом. Это было опасно. Ведь по

сравнению с ним манекен был таким же огромным, как для нас высотный дом. К счастью, Максик совсем не боялся высоты. Так, например, он легко взбирался по брюкам вверх, потом нырял под пиджак, добегал по поясу до подтяжек, подтягивался на них до середины, потом одним прыжком перебирался к галстуку и по его изнанке, как по ущелью, карабкался до узла. После короткой передышки на галстучном узле он соскакивал на лацкан и с его петлицы съезжал прямо во внутренний карман пиджака. Я рассказал вам лишь об одном из его удивительных восхождений. О других я вам не буду подробно рассказывать: вы ведь знаете, что каждое моё слово чистейшая правда. Я не буду также уточнять, зачем и почему Максик каждый день взбирался на Вольдемара. Сам Максик хорошо знал зачем. Но ни с кем не говорил об этом. Что же касается красавца Вольдемара, то и тот, конечно, тоже знал, в чём дело. Но куклы, в том числе и большие куклы - манекены, умеют хранить секреты.

Во всяком случае, профессор был очень доволен успехами Максика. Иногда он даже называл его "Максик-альпинист". Это было очень большой похвалой. И глаза Максика сверкали от гордости. Несмотря на такие успехи, учение продолжалось бы ещё три, а то и целых четыре месяца, если бы однажды вечером в цирке не перепутали фраки. Какие фраки? Фрак профессора и фрак наездника Галопинского. Невероятный случай! Господин директор Грозоветтер и по сей день ещё верит в то, что всё это произошло случайно. Но, кроме него, в цирке "Стильке" никто этому не верил. Ни один из глотателей огня, ни один китаец, ни один продавец мороженого и ни один канатоходец. А "3 сестры Марципан" и вовсе в это не верили. Роза Марципан, самая красивая из них, утверждала, что это была подлая месть. Я думаю, что она права. Здесь, наверное, сыграла свою роль ревность. Потому что Роза Марципан вскружила голову всем мужчинам в цирке. Хотя ей вовсе и не хотелось этого. Уже одно появление трёх сестёр на манеже вызывало восторженный топот и аплодисменты публики. А когда они вскакивали на туго натянутый батут, прыгали всё выше и выше и ещё гораздо выше, делали в воздухе сальто и парили, как птицы, восторгу публики не было предела. Можно было подумать, что эти три девушки весят не больше трёх страусовых перьев. На самом же деле они весили втроём около полутора центнеров, то есть, как ни говори, 150 килограммов! Роза

Марципан, самая красивая, весила пятьдесят два (52) килограмма и пятьсот восемьдесят четыре (584) грамма. Это не очень много. Я сам, например, вешу семьдесят один (71) килограмм, что всего только на восемнадцать (18) килограммов и четыреста шестнадцать (416) граммов больше. Тем не менее никому не приходит в голову сравнивать меня со страусовым пером или опускаться передо мной на колени и утверждать, что я очарователен и прелестен. Со мною такого никогда не случалось. Разве это справедливо? Для тех из вас, кто не знает, что такое батут, я замечу, что это штука вроде матраса. Вы тоже, наверное, не раз прыгали в кровати и радовались тому, как здорово пружинит матрас и как легко от него отталкиваться, потому что почти не чувствуешь своего веса. Батут только шире и длиннее матраса, и он очень туго натянут, как кожа на барабане.

Человек, который выучился на нём раскачиваться и прыгать, стрелой взвивается вверх и остаётся в воздухе целых пять, а то и шесть секунд, причём всё это время он кружится и кувыркается в воздухе, словно весит не больше воздушного шарика. Вот что он может, человек! Но только в том случае, если может! А падать на батут надо тоже умеючи. Потому что если упадёшь не на батут, а мимо, поломаешь все кости. Ну, а три сестры Марципан умели падать. Детьми они научились этому искусству у своих родителей, которые тоже были прыгунами.

Но вернёмся к перепутанным фракам. Хоть доказать это было и невозможно, но, по всей вероятности, их обменял Фернандо - музыкальный клоун. Он играл в цирке на губной гармошке, вернее, на двух гармошках: одна была огромная, как доска от забора, другая - такая маленькая, что он её каждый раз проглатывал, а она продолжала играть у него в животе. Публику это очень веселило. Сам же клоун с давних пор был очень мрачен. Дело в том, что он любил Розу Марципан, а она о нём и слышать не хотела. Потому что она любила профессора Йокуса фон Покуса. И это бесило клоуна. Поэтому однажды за четверть часа до начала представления он обменял в гардеробе два фрака. Фрак наездника и его цилиндр он повесил на вешалку профессора, а волшебный фрак вместе с волшебным цилиндром - на вешалку наездника. А сам незаметно вышел из гардероба на цыпочках.

Маэстро Галопинский влетел на манеж верхом на своём вороном жеребце Нероне. Осадив коня, он приветственно помахал публике цилиндром. В этот момент из подкладки цилиндра вынырнула белоснежная крольчиха Альба. прыгнула на песок и испуганно завертелась по кругу. Лошадь встала на дыбы. Господин Галопинский ласково потрепал её по шее, пытаясь успокоить. Внезапно из левого рукава его фрака вылетела голубка Минна и закружилась над ареной в поисках маленького стола с клеткой, в открытую дверь которой она должна была впорхнуть. Но ведь стола с клеткой вовсе и не было на манеже! Жеребец, брыкаясь передними и задними ногами, дал козла. Оркестр заиграл вальс из оперетты "Летучая мышь" в надежде, что лошадь проделает под музыку свои знаменитые танцевальные па. Но она вовсе и не думала танцевать, а носилась по всей арене, будто за ней гнался пчелиный рой. Наездник с трудом её сдерживал. Публика в первых рядах повскакала с мест. Многие громко завопили от страха. Одна дама даже упала в обморок. Голубка Эмма вылетела из правого рукава. Галопинский ещё сильнее натянул поводья. Тогда Нерон подскочил на всех четырёх ногах одновременно и что есть силы заржал. Всадник решил успокоить коня хлыстом. Но в руке у него вместо хлыста оказалась волшебная палочка, которая при первом же взмахе превратилась в роскошный букет цветов. Нерон злобно вырвал цветы из его руки и принялся их жевать, но тут же с отвращением выплюнул: цветы-то были бумажные! Публика хохотала до слёз. Крольчиха сидела на задних лапках. Голуби растерянно порхали вокруг цилиндра. Оркестр играл марш. Наездник вонзил в жеребца шпоры, чтобы тот в конце концов пришёл в себя и зашагал в такт. Но Нерон не привык, чтобы его пришпоривали при всём честном народе. Он лягался и тряс туловищем до тех пор, пока маэстро Галопинский - а ведь это был один из лучших наездников в мире! - не вылетел пулей из седла и не шлёпнулся на песок! Сделав своё дело, жеребец, громыхая подковами, убежал с манежа в конюшню. Всадник поднялся с земли и, кряхтя, заковылял вслед за лошадью. Публика словно с цепи сорвалась! Цирк содрогался от хохота. А ведь, что ни говори, в цирке было две тысячи человек. Фокусник верхом на коне, да к тому же выброшенный из седла, - такого здесь ещё никогда не видели! Господин директор Грозоветтер стоял в проходе, соединявшем арену с кулисами. - Это катастрофа! Это катастрофа! - в отчаянии стонал он. -

Катастрофа, говорите вы? - злобно прошипел Галопинский. - А я бы назвал это просто свинством! Невероятным свинством! И кто только это сделал? Эх, попадись он мне в руки, я бы скормил его львам! Ай! Он схватился за поясницу и скорчил гримасу от боли. Профессор выскочил на манеж, поднял крольчиху за уши, приманил голубей и стремглав убежал назад. Он был вне себя от бешенства и с трудом переводил дух. - Меня опозорили дальше некуда! - возмущался он. - Если об этом узнает президент Общества магов, я погиб. Я предстану перед судом чести за то, что подорвал репутацию фокусника. - Но вы-то не виноваты! - утешал его директор. - Я требую возмещения! - рычал Галопинский. - Во-первых, меня высмеяли две тысячи человек, а во-вторых, я свалился с лошади! - Через десять минут мой выход! - волновался профессор. - Но я и не подумаю выступать. После того как господин наездник сделал мой фрак посмешищем! Да никогда в жизни! К тому же его лошадь сожрала один из самых дорогих моих букетов! - Не сожрала, а выплюнула она эту гадость! - скрежетал Галопинский. Он даже подскочил от злости, но тут же простонал: - Ай! - Успокойтесь, господа! - молил директор Грозоветтер. - Нам надо продолжать программу. Господи, что же это со мной будет?! - Я не выступлю ни при каких обстоятельствах! Даже если вы встанете передо мной на колени! - заявил профессор. - Я забираю своих зверей и еду в гостиницу пить коньяк. Выдую целую бутылку. - Йокус, миленький, не надо! - послышался отчаянный возглас Маленького Человека из нагрудного кармана профессора. - У меня идея. Подсадика меня к уху! Это очень важно! И когда Йокус его поднял, Максик стал что-то очень таинственно шептать ему на ухо. Профессор слушал его с удивлением, потом покачал головой и сказал: - Нет! Тебе надо, по крайней мере, три месяца тренироваться. Сейчас ещё слишком рано. Но Максик не успокаивался. - Они тебя оскорбили, - шептал он, - и этого им нельзя спускать! - Нет, Максик, сегодня рано! - Нет, именно сегодня! - Слишком рано! - Ну, пожалуйста! Ну, скажи "да"! Ну, пусть это будет мне подарком ко дню рождения! Зато больше мне ничего не дари! Даже кукольной комнаты! - Но твой день рождения ведь ещё только через полгода! - Ну всё равно, Йокус, миленький! В ту же секунду профессор почувствовал, как его большое ухо обожгли две совсем малюсенькие слезинки. Он глубоко вздохнул и сказал: - Господин директор Грозоветтер. Я передумал. Коньяк я буду пить

потом. Я выступаю. Объявите н микрофон. Сделайте это вы лично! - С огромным удовольствием, - обрадовался директор. - А что мне сказать публике? - Скажите, что сегодня я впервые выступаю вместе со своим учеником. Номер называется "Большой вор и Маленький Человек!".

Глава 9

Директор Грозоветтер успокаивает публику. "Большой вор и Маленький Человек". Ограбление толстого господина Тонки и доктора Горнбостеля. Коричневые и чёрные шнурки. Максик раскланивается перед двумя тысячами зрителей

Господин директор Грозоветтер сдержал слово. Когда знаменитые скороходы на роликах "2 Вихря 2" под громкие аплодисменты публики покинули манеж, он натянул белые лайковые перчатки и сделал знак дирижёру. Оркестр сыграл туш. Директор медленно и важно подошёл к микрофону. В цирке стало тихо. - Глубокоуважаемые зрители! - начал господин Грозоветтер. - Как вы знаете, по программе сейчас должен выступить профессор Йокус фон Покус. Он, если позволительно так выразиться, величайший из современных магов. Но хвалить его - значит ломиться в открытую дверь. А на это занятие нет времени ни у одного директора цирка. - Очень жаль! - крикнул какой-то озорник из верхнего ряда. Но на него зашикали, и в зале опять наступила тишина. Лишь где-то вдали, в конюшне, ржала лошадь. Вероятно, то был Нерон, которому Галопинский, рассёдлывая, давал взбучку. - Вследствие таинственного недоразумения, - продолжал директор, - вместо хлыста маэстро Галопинский выхватил волшебную палочку. При этом он имел возможность убедиться, что верховая езда и магия так же мало подходят друг другу, как... маринованная селёдка и шоколад или, скажем, Кельнский собор и Центральный вокзал. В публике засмеялись. - Результат, - разъяснял директор, - вдвойне огорчителен. Дело в том, что наш главный маг теперь решительно отказывается прикасаться к волшебной палочке. Я валялся перед ним на коленях, обещал подарить мой альбом марок. Увы, всё тщетно. Он не хочет. Публика заволновалась. Послышались свист и возгласы: "Долой!" - Деньги назад! - крикнул кто-то. Директор поднял руку. - Дорогие друзья! Магии сегодня не будет, но он выступит! Раздались аплодисменты. - Сейчас вы увидите нечто невиданное. Даже я, директор цирка, не знаю этого номера. Словом, вам, и мне, и нам всем предстоит увидеть номер мирового класса. Аплодисменты стали

громче. - Мне известно только название номера. Директор Грозоветтер высоко взметнул руки в белых лайковых перчатках и крикнул во всю мощь своего голоса: - Итак, Большой вор и Маленький Человек! Потом он отвесил элегантный поклон публике и удалился. Оркестр снова исполнил туш. Все замерли в ожидании. - Пора выходить, - сказал профессор. - Ага, - шепнул Максик в нагрудном кармане. - Ни пуха ни пера, дорогой Йокус! Профессор три раза плюнул через левое плечо и произнёс: - Той! Той! Той! И трижды чёрный кот! Он медленно вышел на манеж. Дойдя до середины, он остановился, отвесил поклон публике и сказал, улыбаясь: - Магия на сегодня отменяется, господа. Сегодня я буду воровать. Держите покрепче карманы! Берегитесь меня и моего юного помощника! - Где он, ваш помощник? - крикнул толстый господин из второго ряда. - Он здесь, - ответил профессор. - Не вижу! - крикнул толстяк. - А вы подойдите поближе, - приветливо пригласил его Йокус. - Может быть, тогда разглядите. Толстый мужчина кряхтя поднялся с места и, тяжело ступая, вышел на манеж. Он протянул профессору руку и представился: - Моя фамилия Тонки. Публика оживилась. Толстый господин Тонки внимательно огляделся кругом. - Я всё ещё его не вижу. Профессор вплотную подошёл к толстяку, долго смотрел ему в зрачки, наконец похлопал его по плечу и заметил: - Дело, по-видимому, не в зрении, господин Тонки. Глаза у вас в порядке. Но тем не менее мой помощник здесь. Даю вам честное благородное слово. Какой-то господин из первого ряда крикнул: - Это совершенно исключено. Держу с вами пари на двадцать марок, что вы один. - Всего на двадцать марок? - На пятьдесят! - Идёт! - весело согласился Йокус. - И вы тоже подойдите поближе. Места хватит всем. Только деньги не забудьте! Он взял под руку господина Тонки и, улыбаясь, стал поджидать господина из первого ряда, который поспорил с ним на пятьдесят марок. Господин Тонки тоже улыбался, сам не зная чему. Господин из первого ряда подошёл к ним и представился. - Доктор Горнбостель, - произнёс он важно. - Деньги при мне. Они пожали друг другу руки. - Ну, как дела? - спросил профессор. - Где же мой помощник? - Да вздор, - заявил доктор Горнбостель. - Его здесь нет. В конце концов, я не слепой. Готов удвоить ставку. Сто марок? Профессор кивнул. - Сто марок. Как пожелаете. - Он похлопал его по груди. - Бумажник толстый. Я это чувствую сквозь пиджак. Потом он двумя пальцами пощупал материю,

отстегнул среднюю пуговицу пиджака и сказал: - Превосходный материал, господин доктор, немнущийся, чистая шерсть, ни грамма бумаги. И великолепно на вас сидит. Наверное, дорогой портной? - Даже очень, - гордо подтвердил доктор Горнбостель и повернулся вокруг собственной оси. - Изумительно! - ещё раз похвалил Йокус. - Простите, я только сниму ниточку. Он снял нитку и тщательно пригладил пиджак. Тут толстый господин Тонки нетерпеливо кашлянул и заметил раздражённо: - Всё это чудесно, профессор. Чистая шерсть, дорогой портной и так далее. Но когда же вы начнёте меня грабить? - Ровно через две минуты, господин Тонки. И ни секундой позже. Пожалуйста, засеките время на ваших часах. Толстый господин Тонки привычным жестом поднёс руки к глазам и скорчил удивлённую гримасу. - Часов нет, - сообщил он. Йокус стал помогать ему в поисках. Но часов не оказалось ни в карманах, ни на другой руке. Не было их и на полу. - Очень, очень странно, - задумчиво произнёс профессор. - Мы вдвоём собирались приступить к работе только через две минуты, а часов уже нет. Йокус пристально посмотрел на другого господина. - Господин доктор Горнбостель, - сказал он подозрительно, - я ничего не хочу сказать, но не взяли ли вы по ошибке часы господина Тонки? - Что за чушь! - возмутился доктор Горнбостель. - Я не краду ни по ошибке, ни в шутку! Адвокат с именем не может себе этого позволить. Зрители засмеялись. Но Йокус оставался серьёзным. - Можно мне посмотреть? - спросил он. - Пожалуйста! - буркнул адвокат доктор Горнбостель и поднял вверх обе руки. Он походил на человека, которого грабят гангстеры. Йокус быстро обшарил его карманы. Вдруг он что-то вынул: в руке его были часы. - Вот они! - воскликнул толстый господин Тонки и подпрыгнул за часами, как мопс за колбасой. Потом он надел их на руку и, кинув косой взгляд на Горнбостеля, сказал: - Послушайте-ка, доктор... Это уж слишком! - Клянусь честью, я тут ни при чём! Я их не брал! - обиженно оправдывался адвокат. - У меня есть свои. Он протянул руку, оголив запястье. Но тут лицо его вытянулось. - Часов нет! - крикнул он. Публика смеялась и громко аплодировала. - Золотые часы! На восьми рубиновых камнях! Настоящие швейцарские! Йокус, смеясь, погрозил пальцем господину Тонки и обыскал его карманы. Вскоре он извлёк из его правого внутреннего кармана золотые часы. - Вот они! - закричал Горнбостель. - Вот они! Йокус помог ему надеть на руку

золотые часы на восьми рубиновых камнях. Потом он подмигнул публике: - Нечего сказать: достойных джентльменов я себе подобрал! - И, обращаясь непосредственно к обоим достойным джентльменам, прибавил: - Не сердитесь больше друг на друга! Помиритесь, пожалуйста. Протяните друг другу руки. Вот так. Большое спасибо... - Он взглянул на часы. - Ровно через минуту я приступаю со своим помощником к работе. Мы вас так обчистим, что только держитесь! Но потом, возможно, мы вернём вам часть вашего имущества. Вы же знаете поговорку: "Чужое добро впрок не идёт!" - Вы с вашим помощником, которого нет в природе! - крикнул доктор Горнбостель. - Кстати, мне очень пригодятся ваши сто марок! - Только терпение! Всему свой черёд, господин доктор! - ответил Йокус. Через минуту мы начнём! Итак, взгляните на часы. На моих - семь минут десятого. Сравните с вашими! Горнбостель и толстый господин Тонки одновременно взглянули на часы и ахнули: - Часов нет! Действительно, часы исчезли. У обоих! Зрители ликовали. Но вот Йокус поднял вверх руку, призывая публику к спокойствию. И в этот самый момент раздался крик маленькой девочки: - Мама, гляди! У фокусника на руке трое часов! Взгляды двух тысяч людей устремились на профессора. Он сам тоже уставился на запястье своей левой руки, притворяясь удивлённым: трое часов блестели на его руке! Люди смеялись и кричали, хлопали в ладоши и топали ногами от восторга. ...После того как восторг немного утих, Йокус вежливо вернул часы владельцам и сказал: - Итак, дамы и господа, теперь надо бы, собственно, пригласить сюда ещё кого-нибудь из вас. В роли наблюдателя, так сказать. Но, откровенно говоря, это ни к чему бы не привело. И знаете почему? - Потому что вы их всё равно обчистите! - крикнула смеясь какая-то тощая женщина. - Ошибаетесь! - возразил Йокус. - Просто потому, что брать-то уже больше нечего. Всё их добро у меня! Он похлопал себя по карманам и подозвал двух униформистов. Они притащили стол и поставили его рядом с профессором. - Итак, - сказал он, обращаясь к господам Горнбостелю и Тонки. - Теперь мы с вами будем играть в рождество. Я буду Дедом-Морозом. Вы должны повернуться ко мне спиной. Только не подглядывать! А я тем временем разложу подарки на столе. Они нам очень понравятся, уверяю вас. Правда, новых подарков вы не получите. Будет несколько очень полезных вещей, которые вам уже давно принадлежат. Я вам дарю не

то, что вы хотели бы получить, а лишь то, что вы хотели бы получить назад! - Жаль! - крикнул толстый господин Тонки. - Мне бы очень пригодилась новая пишущая машинка. Профессор покачал головой. - Сожалею, - сказал он. - Этот номер не пройдёт. А то господин Горнбостель пожелает, чего доброго, бехштейновский рояль или даже целый орган. Лучше-ка повернитесь ко мне спиной и закройте глаза. Оба джентльмена не хотели портить игру. Они повернулись спиной к подарочному столу и зажмурили глаза. Профессор убедился, что никто из них не подглядывает. Подойдя к столу, он начал выворачивать свои карманы и выкладывать на стол их содержимое. Казалось, этому не будет конца. Зрители затаив дыхание не сводили с него глаз. Оркестр играл старинную, давно забытую вещь, под названием "Парад гномов". Вещь с таким названием была сейчас очень кстати. Все вы, вероятно, помните, как в своё время в Берлине Йокус подшутил над директором гостиницы. Поэтому вы будете несколько меньше удивлены, чем две тысячи зрителей, сидевших в зале. Они ахали и охали, кричали: "Ой, не могу!" и "С ума сойти!" - а один даже крикнул: "Помираю!" Проще всего, если я составлю список предметов, выложенных профессором на стол. Итак, он вынул из своих карманов:

1 записную книжку в красной кожаной обложке, 1 календарь в голубой обложке, 1 шариковую ручку, серебряную, 1 авторучку, чёрную, 1 бумажник из змеиной кожи, 1 чековую книжку коммерческого банка, голубую, 1 кошелёк из коричневой кожи, 1 связку ключей, 1 ключ от автомобиля, 1 коробку ментоловых конфет, 1 булавку от галстука, золотую с жемчугом, 1 пару роговых очков в чёрном кожаном футляре, 1 заграничный паспорт, немецкий, 1 носовой платок, чистый, белый, 1 портсигар, серебряный или никелированный, 1 пачку сигарет, фильтр, 1 счет за уголь, неоплаченный, 1 зажигалку, эмалированную, 1 коробку спичек, наполовину пустую, 1 пару запонок из лунного камня, 1 обручальное кольцо из матового золота, 1 перстень из ляпис-лазури в платиновой оправе, 7 монет, общим достоинством в 8 марок 10 пфеннигов.

Публика ликовала, а оба господина с зажмуренными глазами при каждом восторженном выкрике и взрыве хохота дёргались так, словно их ударяло током. Они нервно и взволнованно ощупывали свои карманы, с трудом удерживаясь, чтобы не броситься к столу. Ибо карманы их были пусты, как пустыня Гоби. Наконец профессор встал

между ними, положил руки им на плечи и по-отечески ласково сказал: - Дорогие дети, подарки приготовлены. Мигом обернувшись, оба господина под смех и аплодисменты двухтысячной толпы бросились к своим вещам и быстро распихали их по карманам. Смех не смолкал. Тогда Йокус поднял вверх руку, и в зале сразу стало тихо. Оркестр тоже умолк. - Мне приятно, что вы так радуетесь, - сказал профессор. - И надеюсь, что это радость, а не злорадство. Имейте в виду, что мой маленький помощник и я с таким же успехом могли бы очистить карманы любого из вас. - Вы со своим маленьким помощником?! - презрительно воскликнул господин Горнбостель. - Курам на смех! Не забудьте о нашем пари! - Об этом мы ещё поговорим, - ответил профессор. - Во всяком случае, я очень признателен вам обоим за вашу столь деятельную помощь. Он пожал им руки, похлопал их по плечу и добавил: - До свидания! Желаю вам успехов в вашей дальнейшей жизни! Оба господина направились к своим местам. Но уже после первого шага доктор Горнбостель споткнулся и удивлённо посмотрел под ноги. Оказалось, что он потерял один башмак. Он нагнулся, чтобы поднять его, Йокус подоспел к нему на помощь и любезно осведомился: - Вы не ушиблись? - Нет, - проворчал доктор, держа в руке башмак. - Но шнурок куда-то делся. - Он нагнулся к другому ботинку, который был ещё на ноге. - И второго шнурка нет! - И часто это с вами бывает? - спросил участливо Йокус. - Вы всегда выходите без шнурков? В зале снова захихикали. - Это какой-то бред, - брюзжал Горнбостель. - Я ещё не впал в детство. - К счастью, я могу вам помочь, - сказал Йокус. - У меня всегда при себе запасные шнурки. - Он выудил шнурки из своего кармана. - Прошу вас. - К сожалению, они не годятся. Это коричневые шнурки, а мне нужны чёрные. - Найдутся и чёрные, - сообщил Йокус и полез в другой карман. Пожалуйста. Что случилось? Они для вас недостаточно чёрные? Чернее у меня нет. - Вы мошенник из мошенников! - заорал доктор Горнбостель. - Это же мои собственные шнурки! - Тем лучше! - заметил профессор. - А что мне делать с коричневыми? Может быть, они пригодятся вам, господин Тонки? - Мне? - переспросил тот. - Зачем они мне? Правда, у меня коричневые ботинки, но... - Он осторожно пробежал взглядом вниз от живота к башмакам сорок пятого размера и вздрогнул. - Алло! Алло! - радостно заорал он. Мои шнурки тоже исчезли. Отдавайте-ка их поскорее! А то я на улице

вылечу из своих шлёпанцев! Большое спасибо, мастер-вор! Вам бы в карманники пойти, вы бы через месяц стали миллионером. - Я бы не спал по ночам, - возразил профессор. - А крепкий сон - это главное. - Со мной дело обстоит иначе, - откликнулся толстяк. - Разжиться бы миллионом, только тогда б я уснул спокойно. Но не успел он нахвалиться своей жадностью, как послышался голос маленькой шустрой девочки, с которой мы уже познакомились.

- Мама! Гляди! - крикнула она, подскакивая на месте от нетерпения. - У того дяди галстук пропал! Четыре тысячи глаз уставились на господина адвоката доктора Горнбостеля, который судорожно вцепился в свой воротник. И действительно, его красивого, шёлкового галстука как не бывало. И так как весь цирк хохотал, Горнбостель рассердился. - Пошутили, и хватит! - заявил он мрачно. - Давайте мне галстук! - Галстук в вашем левом внутреннем кармане. глубокоуважаемый доктор, сообщил ему Йокус. Потом он протянул руку обоим и сердечно поблагодарил их за помощь. - Не стоит благодарности, - откликнулся толстый господин Тонки. Отпустите мою руку, а то, чего доброго, вы и ее стащите. Осторожно ступая и боясь потерять башмаки, он направился к своему месту, но на полпути вдруг замер и сказал: - Что-то брюки сползают! Он расстегнул пиджак и в ужасе крикнул; - Подтяжки! Где мои подтяжки? - Этого ещё не хватало, - забеспокоился Йокус, - Может быть, я их по ошибке... Он пошарил по карманам и вздрогнул. - Вот здесь что-то... Одну секунду, дорогой господин Тонки, не могу понять, как это я... С другой стороны, при моей рассеянности... - И он уже держал в поднятой над головой руке подтяжки: - Вот они! Публика покатывалась со смеху. А когда доктор Горнбостель, завязывавший галстук, нервно распахнул пиджак, ища свои подтяжки, люди захохотали ещё громче. Подтяжки оказались на месте. Он облегчённо вздохнул и вытер лоб от страха он вспотел. Потом доктор Горнбостель поднял башмак, о который споткнулся, и, прыгая на одной ноге, заковылял к своему месту в первом ряду. Оркестр играл туш. Трубачи от смеха фальшивили. Толстый господин Тонки принял из рук профессора подтяжки. Профессор Йокус фон Покус элегантно раскланивался. - Мы - Маленький Человек и ваш покорный слуга, - сказал он с улыбкой, благодарим публику за образцовое внимание. Все захлопали и закричали: "Браво!", и "Удивительно!", и "Великолепно!" Но доктор Горнбостель вскочил со

своего места, едва успев на него сесть, и закричал, размахивая руками: - А наше пари? Вы мне проиграли сто марок! Профессор сделал знак господину директору Грозоветтеру, со счастливым лицом стоявшему на краю манежа. Директор передал знак дальше. Из люка вокруг арены стала медленно подниматься круговая решётка, которая обычно отгораживает зрительный зал от манежа, когда выпускают хищников. - Сейчас я покажу вам моего помощника, Маленького Человека! Все вы можете убедиться, что он существует. Чтобы вы от удивления не раздавили ни меня, ни его, я просил поднять эту решётку... - Затем профессор обратился непосредственно к господину Горнбостелю: - Сейчас вы убедитесь, что пари вы проиграли. Деньги можете не передавать. Они уже у меня. Пересчитайте сдачу, пожалуйста! Доктор Горнбостель пересчитал деньги и прошептал: - В самом деле! Он упал на стул. Йокус вынул из нагрудного кармана Максика и, высоко подняв его, воскликнул: - Разрешите представить вам Маленького Человека! Вот он! Люди повскакали со своих мест и с грохотом побежали вниз по ступенькам. Они толкались, пытаясь протиснуться к решётке. - Вот он! - раздавались крики. - Не вижу! - Да вот же! - Где? - Да на ладони профессора! - Ой, какой маленький! Как спичка. - Просто не верится! Маленький Человек, улыбаясь, раскланивался перед публикой.

Глава 10

Вмешательство полицейской машины. Маленькому Человеку присвоено звание подмастерья. Галопинскому нужен новый хлыст. Роза Марципан кидается на шею профессору

Успех был грандиозный, и публика не успокоилась до тех пор, пока не приехала полицейская машина с сиреной и сигнальной лампой на крыше. В машину уселись профессор, Маленький Человек, оба голубя и крольчиха Альба. Они поехали окольными путями, минуя главные улицы, и быстро оторвались от машин, пытавшихся их преследовать, Некоторое время спустя Йокус и Максик сидели в Красном салоне гостиницы. Они заказали кофе мокко со взбитыми сливками и две ложечки, потом перевели дух и улыбнулись друг другу. Официант, прежде чем принести кофе, вывесил на дверях табличку с надписью "Просьба не мешать!". Он уже слышал об их сенсационном успехе. - Ну как? - спросил Максик Йокуса. - Ты мной доволен? Профессор кивнул: - Ты очень чисто работал. Ты ведь знаешь, что я хотел ещё несколько месяцев подождать. - Но ведь надо было что-то

делать, - воскликнул Максик, - чтобы все забыли про позорный случай с волшебным фраком! - Свинство! - буркнул профессор и ударил кулаком по столу. - Галопинский был просто ошарашен. Да и лошадь жалко! - А нашу Альбу! - сказал Максик. - Я боялся, что она помрёт со страху. - Тебе здорово пришлось попотеть? - спросил, улыбаясь, профессор. - Самое трудное - подтяжки. Левый зажим никак не поддавался. Я два ногтя обломал. На красавце Вольдемаре это гораздо легче получалось. - Зато со шнурками всё шло как по маслу, - отметил профессор. - Это был высший класс. И с галстуком у тебя великолепно получилось. - Да, с галстуком всё шло без сучка без задоринки, - рассказывал Максик. Узел был не тугой. Раз - и я уже в нём! - Да, с галстуком нам повезло. Впрочем, иногда надо рассчитывать и на везение. Маленький Человек наморщил лоб. - Я хочу тебя кое о чём спросить. Но ты, пожалуйста, не увиливай, ладно? - Согласен. Спрашивай! - Для меня это вопрос жизни. - Ну, так говори же! - Ты веришь теперь, что я когда-нибудь стану настоящим артистом? - Когда-нибудь? - переспросил профессор. - Ты уже артист! Сегодня ты выдержал экзамен на звание подмастерья. - О! - прошептал Максик. Больше он ничего не мог сказать. - Ты теперь мой подмастерье. И весь сказ. - Ты думаешь, мне хлопали не только потому, что я такой маленький? - Нет, сынок. Но, конечно, и это играло роль. Когда слон Юмбо садится на тумбу и подымает передние ноги, люди ему хлопают. Почему? По двум причинам: потому что он что-то умеет и потому что он такой огромный. Если бы у него был только огромный рост и больше ничего, люди предпочли бы лежать дома на диване, а не сидеть в цирке. Ясно? - Более или менее. - Для аплодисментов нужны две вещи, - наставительно продолжал профессор. Возьмём другой пример. Когда сёстры Марципан подскакивают на своём батуте на целых пять метров в высоту и делают в воздухе сальто, им восторженно хлопают. Почему? Потому, во-первых, что они что-то могут, и потому, во-вторых, что они такие хорошенькие. - Прежде всего Роза, - вставил Максик. - Если бы девушки были некрасивы, то они бы нравились публике вдвое меньше, хотя бы они взлетали на целых два метра выше, - Ну, а клоун? - И клоун тоже. Не будь у него толстого красного носа и башмаков с загнутыми кверху утиными клювами, его шутки не казались бы такими смешными. И всегда так. - А как же с тобой? - с любопытством спросил Маленький Человек. - Ты не такой громадный,

как Юмбо, и не такой маленький, как я. У тебя нет красного носа, но ты и не так красив, как марципановые сёстры. Где же две вещи, без которых нет успеха? Профессор засмеялся. - Не знаю, - сказал он наконец. - А я знаю! - торжествующе воскликнул Максик, - Во-первых, ты замечательный фокусник... - А во-вторых? - Подними меня повыше, я тебе скажу на ухо. Профессор поднёс Маленького Человека к уху. - А во-вторых, - прошептал Максик, - во-вторых, ты самый лучший человек на свете! На короткое мгновение стало тихо. Потом профессор смущённо кашлянул и сказал: - Так, так. Ну, ведь кто-то должен им быть! Максик тихонько засмеялся. Но тут же тяжело вздохнул: - Знаешь, мне иногда хочется быть таким же большим, как все люди. Например, вот сейчас. - Почему именно теперь? Гм? - Тогда у меня были бы длинные руки и я смог бы обнять тебя за шею. - Дорогой мой мальчик! - сказал профессор. И Максик прошептал: - Милый, милый Йокус. Наконец официант принёс им мокко и две ложки. - Вам сердечный привет от поварихи, которая варила кофе. А маленькую ложечку она дарит Маленькому Человеку. Это самая маленькая ложечка, какую ей удалось раздобыть на кухне. - А почему мне её дарят? - удивился Максик. Официант отвесил ему глубокий поклон. - На память о дне, когда ты стал знаменит. Она иглой нацарапала на ложке сегодняшнее число. - Иглой? - переспросил Маленький Человек. - Да, - ответил официант. - Этой иглой обычно шпигуют зайца или серну. Ничего более острого на кухне не нашлось. - Большое, большое спасибо, - сказал Максик. - Значит, она решила, что я теперь знаменитый? - И не только она! - раздался вдруг женский голос. Этот задорный голос принадлежал Розе Марципан. - Вот и я! - объявила девушка. - У гостиницы собрались журналисты и фотографы, а также дяди из телевидения и радио. Но швейцар их не впускает. - Его счастье, - буркнул профессор. - Но как же он тебя впустил? - А я знаю как! - воскликнул Максик. - Она посмотрела на него вот так и похлопала ресницами. - Угадал! - подтвердила Роза. - И ещё одна новость: я проголодалась, заявила она решительно. Пообедав, она сказала: - Жизнь прекрасна, друзья: обед был на славу, вы оба очень прославились, а славному маэстро Гало-пинскому необходим новый хлыст. - Почему? - поинтересовался Максик. - Потому что старый разлетелся на куски, - сообщила девушка. - Он сломался об клоуна Фернандо. - Из-за перепутанных фраков? Роза кивнула. - Совершенно

верно. При этом клоун вовсе не хотел опозорить всадника и его коня. Его интересовал некто Йокус. - Йокус? - Маленький Человек был потрясён. - Фернандо ревнив. Он думает, что Йокус в меня влюблён. - Но ведь так оно и есть! - воскликнул Максик, Фокусник покраснел как маков цвет, и, если бы только мог, он в эту минуту отколдовал бы себя куда-нибудь за тридевять земель отсюда. Или превратился бы в зубную щётку... Но это умеют только настоящие волшебники. Роза Марципан сверкнула глазами. - Это правда? - спросила она с угрозой в голосе. - Да, - мрачно ответил Йокус, разглядывая кончики своих башмаков, словно он их видел впервые. Через пять минут Роза Марципан шепнула: - Мне жалко тех дней, что я прожила, не зная об этом. А ещё через пять минут кто-то за их спиной кашлянул. Это был официант. - Максик просил передать вам привет. - Где же он? - крикнули Роза и Йокус в один голос. От страха они стали белыми, как скатерть. - У себя в номере. Я отвёз его на лифте. Он сидит в цветочном горшке на балконе и просит передать, что ему очень весело. - Это ужасно, - пробормотал профессор, когда официант ушёл. - Мы даже ничего не заметили. Хороший отец, нечего сказать. - Как видно, за вами обоими нужен присмотр, - улыбнулась девушка.

Глава 11

Максик в цветочном горшке. Фрау Хольцер чихает. У специалиста по недовольным. Маленький Человек вырастает и становится великаном. Он видит себя в зеркале. Второй волшебный напиток. Самый обыкновенный мальчик

А тем временем Маленький Человек сидел на балконе в цветочном горшке. Горшок был из белого фаянса. Садовник посадил в него утром двадцать ландышей, потому что знал, что ландыши - любимые цветы Максика. - В каких стихах описан запах ландышей? - спросил как-то Максик. Ни Йокус, ни садовник таких стихов не знали. - Наверное, сочинить такое стихотворение так же трудно, как сделать четырёхкратное сальто, - предположил Йокус. - Да такого сальто и не бывает вовсе! - воскликнул Маленький Человек. - Именно, - ответил Йокус. - В этом-то всё и дело.

Итак, как сказано, Маленький Человек сидел в цветочном горшке, прислонившись к нежно-зелёному стебельку. Задрав голову, он смотрел на белые чаши ландышей, вдыхал этот неописуемый запах и размышлял о жизни. Это иногда случается. Даже с пышущими

здоровьем мальчиками. Даже с Максиком. Он думал о своих родителях и об Эйфелевой башне, о Йокусе, о девушке Марципан, о перепутанных фраках и о клоуне Фернандо, о сломанном хлысте Галопинского и о подтяжках господина Тонки, о шумном цирке, и о тихих ландышах, и... и... и... Он заснул, и ему приснился сон. Он бежал, маленький, каким он и был на самом деле, по бесконечной улице и не знал, куда деваться от всех этих башмаков и ботинок. Жизнь его была в опасности. Все прохожие очень торопились, они его не видели и большими шагами проносились мимо него или над ним; и он от страха перед их подмётками и каблуками всё бежал и бежал по тротуару. Иногда, чтобы отдышаться, он вплотную прижимался к стене какого-нибудь дома и потом бежал дальше. Сердце его подскакивало до самого горла. Вот опять! Маленького Человека настигла пара тяжёлых сапог. В самый последний момент он успел отскочить в сторону. При этом он чуть было не угодил под острые каблучки женских туфель. В отчаянии он подпрыгнул высоко вверх и ухватился за чьё-то пальто. Он быстро взобрался по нему вверх до плеча и удобно расположился на широком воротнике. Теперь Максик рассмотрел, что воротник этот принадлежал драповому пальто. А драповое пальто принадлежало женщине. Она и не заметила, что у неё появился спутник, и Максик мог спокойно её рассмотреть. Это была пожилая женщина с приветливым лицом. В руке она несла сетку, битком набитую всякой всячиной. Иногда женщина останавливалась перед какой-нибудь витриной и разглядывала выставленные в ней товары. Вдруг она чихнула и громко сказала самой себе: - Будьте здоровы, фрау Хольцер! Максик едва удержался от смеха. Пока она стояла перед магазином белья, изучая цены на скатерти, полотенца, простые и мохнатые, носовые платки и салфетки, Маленький Человек от скуки читал вывески на дверях рядом с витриной. Чего только не было тут: и грязелечебница для немытых детских рук, и дом отдыха для надкусанных пряников, и, наконец, вывеска врача, от которой у мальчика захватило дух. Неужели в это можно было поверить? Вот что на ней было сказано:

Медицинский советник доктор медицины КОНРАД ВАКСМУТ.

Специалист по недовольным собой.

Лечение великанов и карликов бесплатное. Часы приёма - любое время дня и ночи. 2-й этаж слева.

В этот момент женщина ещё раз чихнула. - Это к хорошей погоде, - сказала она вслух. И тут же снова судорожно вздохнула и произнесла: - Ап-чхи! Тут Маленький Человек сказал: - Будьте здоровы, фрау Хольцер! - Большое спасибо - радостно отозвалась она. Потом, вздрогнув, осмотрелась кругом и спросила: - Кто это сказал? - Я! - бойко откликнулся Максик. - Но вы меня не видите, потому что во мне всего пять сантиметров роста и я сижу у вас на воротнике. - Только не свались! - сказала она заботливо и подошла поближе к витрине, чтобы рассмотреть отражение. - Вот теперь, кажется, я тебя вижу. Ой, какой же ты маленький, господи! Такое не каждый день увидишь. Хочешь пойти ко мне в гости? Ты ведь, наверное, есть хочешь? Ты устал? Может, у тебя живот болит? Я тебе грелку дам! - Нет, - ответил Максик. - Вы очень добры, но у меня ничего не болит. Только, пожалуйста, отнесите меня на второй этаж и позвоните в левую дверь к доктору Ваксмуту. А то я сам не дотянусь до звонка. - Только и всего? - сказала фрау Хольцер и шагнула в подъезд. На втором этаже она позвонила в дверь. При этом она прочитала табличку. - Век живи - век учись! - размышляла она вслух. - И чего только не бывает в жизни! "Специалист по недовольным собой"! - Она рассмеялась. - На мне-то он много не заработает. Что касается меня... Но прежде чем она успела сообщить, что именно касается её, дверь распахнулась, и они увидели старика в белом медицинском халате и с длинной-предлинной бородой. Он быстро с ног до головы оглядел фрау Хольцер и покачал головой. - Вы, верно, ошиблись дверью? - спросил он мрачно. - У вас такой довольный вид, что у меня голова разболелась. - Ну и угрюмый же вы господин! - рассмеялась она. - Не сходить ли вам к врачу? Например, к доктору Ваксмуту. - Бесполезно, - проворчал он. - Я могу помочь всем, но только не самому себе. - Все вы врачи такие, - заметила фрау Хольцер, собираясь ещё что-то добавить. Но тут она снова чихнула. - Будьте здоровы, фрау Хольцер! - отозвался Маленький Человек. Медицинский советник выпучил глаза. - Чёрт возьми! - пробурчал он. - Вот это пациент по моему вкусу! И он, схватив Максика, захлопнул дверь перед самым носом фрау Хольцер. - Ну, чем ты недоволен? - спросил врач, когда они очутились в его кабинете. - Я бы хотел быть выше ростом, - ответил Максик. - Какой именно рост тебя устраивает? - Я не знаю. - Вечная история, - ворчал медицинский советник. - Каждый знает, чего он не хочет. Но чего он хочет, не знает

никто. Он достал из стеклянного шкафа несколько разноцветных пузырьков и маленькую ложку. - Два с половиной метра хватит с тебя? - сухо спросил он. - Сделать тебя ещё длиннее я не могу, потому что иначе ты пробьёшь головой потолок. Ну! Отвечай же! - Два с половиной метра? - Маленький Человек робко взглянул на люстру. - А если... если мне... Если нам это потом не понравится? - Тогда я дам тебе другое лекарство, и ты станешь пониже. - Ну ладно, - сказал Максик дрожащим голосом. - Попробуем сначала два с половиной метра. Медицинский советник, бормоча что-то в свою растрёпанную бороду, взял зелёную бутылку и нацедил в ложку несколько капель микстуры: - Открой рот! Маленький Человек открыл рот как можно шире, и вдруг что-то обожгло ему язык. - Глотай! Маленький Человек проглотил микстуру. Она обожгла ему горло и огненной струйкой прошла в живот. Бородач сверкнул глазами на мальчика и буркнул: - Сейчас начнётся! И правда. В ушах у Максика загрохотало. Руки и ноги заломило. Болели рёбра, болели волосы и кожа на голове. В коленных чашечках что-то хрустело. В глазах вертелись пёстрые, как радуга, круги, а в кругах плясали серебряные и золотые шарики и звёзды. Он не узнавал своих рук. Они росли и становились всё длиннее и шире. Неужели это были его собственные руки? Как в тумане, он видел, что стеклянный шкаф постепенно уменьшался, а стенной календарь опускался всё ниже и ниже. Вдруг что-то звякнуло - это он кончиком носа задел люстру. Наконец его толкнуло, как в лифте, когда тот резко останавливается. Пёстрые круги в глазах замедлили своё движение. Шарики и звёзды прекратили свой танец. Гром в ушах затих. Волосы больше не болели. Кости тоже. Голос медицинского советника произнёс удовлетворённо: - Два метра пятьдесят. Но куда же он делся, доктор Бородач со своим мрачным лицом? Максик вертел головой во все стороны, но никого не видел. Перед самым его носом был карниз, с которого свисали занавески. Люстра, слегка позванивая, качалась рядом с его грудью. На шкафу лежал толстый слой пыли. Пыль виднелась и на белой лакированной рейке, которая на расстоянии полуметра от потолка окаймляла жёлтые обои. В углу над дверьми барахтался в паутине чёрный паук. Максик в ужасе отскочил и рукой задел за высокую книжную полку. С полки слетела книжка. Доктор Бородач громко смеялся. Смех его походил на блеяние старого козла. - Даже не верится! - насмешливо крикнул он. - Я превратил его в

великана, а великан паука испугался! Максик свирепо посмотрел вниз на письменный стол. Медицинский советник продолжал блеять. - Почему вы надо мной смеётесь? - спросил Маленький Человек, который теперь стал большим. - В конце концов, я ведь не учился на великана. Только что во мне было всего пять сантиметров роста. А вы никогда не дрожали от страха? - Нет, - ответил Бородач. - Никогда. Я не из тех, кому нужен страх. Если на меня набросится лев, то я его превращу в зяблика или бабочку. - Значит, вы вовсе не медицинский советник? - Нет, Но я и не фокусник, как твой Йокус, - Так кто же вы? - Я самый настоящий, взаправдашний колдун и чародей. - О-о! - прошептал Максик. От страха он крепко ухватился за шкаф. Но так как шкаф был очень неустойчив, то дрожали оба - и шкаф и великан Макс. - Сядь на стул, чтобы ты мог увидеть себя в зеркале! - приказал волшебник. - Ты ведь даже не знаешь, на кого ты стал похож. Максик сел на стул и, посмотрев на себя в зеркало, вздрогнул и воскликнул в ужасе: - Неужели это я? Не может быть! В отчаянии он закрыл лицо руками. - А мне кажется, что ты вполне подходяще получился! - заметил волшебник. Но, видно, на твой вкус мы не угодили.

Максик отчаянно замотал головой и прошептал: - Я такой противный! Хуже жирафа! - Так какой же рост тебя устроит? - спросил волшебник. - Только подумай как следует. - Я с самого начала знал, чего хочу, - ответил Максик сокрушённо. - Но потом меня разобрало любопытство. А теперь я готов самому себе влепить хорошую оплеуху. - Какого же роста ты хочешь быть? - настаивал Бородач. - А то всё ходишь вокруг да около. - Ах! - тяжело вздохнул Максик. - Ах, господин волшебник, я хотел бы стать таким же, как все мальчишки моего возраста! Не выше и не ниже, не толще и не тоньше. Я не хочу быть чудом вроде редкой почтовой марки или трёхгорбого верблюда. И не хочу быть смелее или трусливее, глупее или умнее и... - Ну хорошо, хорошо, - проворчал волшебник и взял в руки красный пузырёк и ложку. - Значит, ты хочешь быть обыкновенным шалопаем? Нет ничего проще. Открой рот! Максик - двухсполовинометровый великан - послушно раскрыл пасть и проглотил густую красную микстуру. И даже облизал ложку. В ушах его сразу засвистело и загремело. Голова разболелась. Сердце бешено колотилось. Пёстрые круги завертелись в глазах, как фейерверк. И вдруг наступила тишина. - Посмотри в зеркало! - приказал волшебник. Сначала Максик струсил. Потом

осторожно приподнял веки на два миллиметра. Потом вытаращил глаза, соскочил со стула и с радостным криком вскинул вверх руки. - Да! - орал он во всю глотку. - Да! Да! Да!

А в зеркале какой-то мальчишка размахивал руками. Это был очень симпатичный мальчуган лет двенадцати-тринадцати. Максик подбежал поближе к зеркалу и вытянул вперёд руки, словно пытаясь обнять собственное отражение. - Это я?! - кричал Максик. - Это ты, - крякнул волшебник и засмеялся. - Это Макс Пихельштейнер, самый обыкновенный мальчик тринадцати лет. - Я так счастлив! - тихо сказал Максик. - Надеюсь, что навсегда, - заметил медицинский советник. - Ну, а теперь сматывай удочки! - Как же мне вас отблагодарить? Волшебник встал и указал на дверь: - Ступай и не благодари!

Глава 12

"Ну и осёл!" Странные плакаты в городе. Директор Грозоветтер называется Громовержцем, Галопинский - Рысаковским. Йокус его не узнаёт. Макс и Максик. Это был всего лишь сон

Наконец-то он стал ростом с обычного мальчишку. Но то, что другие дети считают совершенно естественным, для него оказалось необыкновенно новым, От радости он готов был остановить любого прохожего и спросить: "Ну, что вы скажете? Разве не здорово?" Конечно, он этого не делал. Люди, наверное, немало бы удивились и в лучшем случае только ответили бы: "Что же тут особенного? Мальчишек твоего роста что песку морского!" А кое-кто, может быть, даже и рассердился бы. Но некоторые прохожие всё-таки смотрели на него во все глаза, хотя он их ни о чём и не спрашивал. Лицо его сияло, словно он только что выиграл автомобиль. Кроме того, он как-то странно себя вёл: то и дело вздрагивал и даже отскакивал в сторону, словно боялся, как бы его не раздавили. Хотя теперь перед его глазами мелькали лица, и шляпы, и шапки, а не ботинки и каблуки, как прежде. Вечная история со старыми привычками! От них труднее избавиться, чем от хронического насморка! Но было и ещё нечто более странное в его поведении: он останавливался чуть ли не перед каждой витриной. И вовсе не из-за красивых вещей. Нет, он останавливался, чтобы поглазеть на отражение замечательного, как ему казалось, мальчика. Он смотрел и не мог насмотреться досыта. При этом случалось, что кто-нибудь за его спиной произносил: - Ну и осёл! На сей раз это был мальчуган его возраста с волосами соломенного цвета. Спереди у него

не хватало одного зуба. - Это всего лишь десятая витрина, в которую ты на себя любуешься, сообщил мальчуган. - Я таких обормотов, как ты, за всю свою жизнь ещё ни разу не видел. Ты поцелуй себя в зеркале. Или объяснись самому себе в любви. Конечно, Максик разозлился. Но, с другой стороны, не мог же он, этот парень, знать всех обстоятельств дела. - Отвяжись, - спокойно сказал ему Максик. Но паренёк с соломенными волосами и не думал отвязываться. - А шажочки-то у тебя, словно у годовалого младенца, которого ходить учат. Дай-ка, пупсик, свою ручоночку, а то головку зашибёшь. В Максике всё кипело. - Сейчас ты получишь ручоночку! Вернее, ручоночкой по роже! - Ой, испугался! - не унимался мальчуган. - Эх ты, пупсик, ходить не научился, а уж лезешь драться! Ха-ха-ха! Максик не выдержал. Он закипел, как суп в кастрюле, размахнулся - и как влепит обидчику оплеуху! Тот так и присел на тротуар, держась левой рукой за щеку. Максик даже сам удивился. - Прости, пожалуйста, - сказал он. - Честное слово, первый раз в жизни дрался! И пошёл своей дорогой. Кроме витрин, а. вернее, витринных стёкол, его ещё интересовали - и с каждой минутой всё больше - афишные тумбы. Куда он ни бросал взгляд, всюду он узнавал себя. На афишах, правда, был изображён не тот обыкновенный мальчик, каким он был теперь, а Маленький Человек - ученик фокусника, крохотный помощник известного профессора Йокуса фон Покуса, с которым они вместе выступали в цирке "Стильке" и приводили публику в такой бешеный восторг. На всех плакатах был изображён Максик Пихельштейнер, но подписи к его портретам были какие-то ненормальные. Казалось, что афишные тумбы вынесли на улицу из сумасшедшего дома. На одной.рекламе он стоял, прислонившись к спичечной коробке (и коробка и сам мальчик были в два метра длиною). Текст рекламы гласил:

На другом плакате он держал обеими руками огромную электробритву серебристого цвета. Надпись рядом нахально утверждала:

Максик подумал: "Что за чушь! Мне ведь ещё по крайней мере четыре года расти, пока на подбородке появится первый пух. Вот уж Йокус удивится, когда прочтёт этот вздор!" Но и остальные плакаты были не лучше. Странные люди! Чего только они не выдумывают, чтобы избавиться от своих товаров! Вот теперь они пытаются внушить

прохожим, что Маленький Человек ведёт себя как взрослый. А ведь все знают, что он мальчик. "Ну и бред! - подумал Максик. - Йокус совершенно прав, когда говорит, что у этих рекламных дядей нервы из канатов. Неужели действительно люди, прочитав такую рекламу, сломя голову помчатся в магазины покупать электробритвы, сигары и шампанское, которые им так настойчиво навязывают?" Мальчик собрался было бежать дальше. Но тут его взгляд остановился на афише, которая была скромнее и меньше соседних и которую он чуть было не упустил из виду.

На афише не было пёстрых рисунков. Не было и фотографий. Но от текста, который он прочёл, его бросило в дрожь: "Ой, какой ужас! - подумал Максик. - А вдруг сегодня среда, или суббота, или, может быть, воскресенье?! Только бы не опоздать к дневному представлению! Йокус даже не знает, где я!" И он помчался, не чувствуя под собой ног. В цирке посреди манежа сидел господин директор Грозоветтер, в белых перчатках и чёрном цилиндре, и читал газету. Максик вихрем ворвался в цирк. - Что горит? - осведомился директор, глядя поверх газеты. - Простите меня, пожалуйста! - крикнул запыхавшийся мальчик. - Но я не знаю, среда сегодня или нет. Директор поднял брови. - А может, суббота? - продолжал мальчик. - Или воскресенье? - Ты в своём уме? - рассердился директор. - Врываешься в цирк и спрашиваешь, не среда ли сегодня. Ты нарушаешь неприкосновенность жилища! Потом он снова спрятался за своей газетой. - Но господин директор Грозоветтер!.. - Максик стоял как громом поражённый. Почему этот человек был так недоброжелателен к нему, к новому любимцу публики?! - Ты даже не знаешь, как меня зовут! - Грозоветтер! - Меня с самого моего рождения зовут Громовержец! - строго поправил его директор. - Понял? Не Грозоветтер, и не Километр, и не Сантиметр, а Гро-мо-вер-жец! - Громовержец! - чуть слышно повторил Максик. Ему очень хотелось провалиться сквозь землю. Но тут к ним подошёл наездник Галопинский и спросил: - Что это вас так рассердило, господин директор Громовержец? - Да вот мальчишка мне на нервы действует, - ответил директор. - Врывается на манеж, спрашивает, среда ли сегодня, и называет меня Грозоветтером!

- Пошёл вон! - зашипел на него наездник. - Сию же минуту убирайся! - Но господин Галопинский!.. - испуганно начал Максик. -

Вот вам! Слышите? - закричал директор и всплеснул белыми перчатками над цилиндром. - Меня зовут Рысаковский, а не Галопинский! - рявкнул наездник. - И сегодня четверг, нервотрёпщик, - ворчал директор. - Иди домой делать уроки. - Но я же артист! - робко возразил мальчик. - Новое дело! - вздохнул директор. - Час от часу не легче. Что же ты умеешь? - Шнурки развязывать, - прошептал Максик. Тут оба - и директор и наездник - побагровели; казалось, их вот-вот хватит удар. Наездник сжал кулаки: - Ах вот как! Шнурки умеешь развязывать! Я это умел трёх лет от роду. Директор пыхтел и сопел, как морж. - Можно сойти с ума, - стонал он. - Умеет шнурки развязывать! Гениальный ребёнок! - А ещё я могу отстёгивать подтяжки, - прошептал Максик со слезами в голосе. - Довольно! Всему есть предел! - взвыл директор. - Это уж верх наглости! - И галстук я умею развязывать, - продолжал Максик тихо и жалобно. Тут наездник вскочил, схватил Максика за шиворот и стал трясти его изо всех сил. Директор тоже поднялся, продолжая стонать. - Всыпать ему как следует! - сказал он. - И выбросить вон! - С огромным удовольствием! - заявил наездник и по всем правилам искусства положил мальчика к себе на колени. - Эх, жаль, очень жаль, что я не захватил свой новый хлыст, - прибавил он. Й стал бить мальчика. - Помогите! - заорал Максик, и крик его доносился до самой вершины купола. - Помоги-и-ите! В этот момент на манеже появился профессор Йокус фон Покус. - Кто это кричит так жалобно? - спросил он. - Это я, дорогой Йокус! - крикнул мальчик. - Пожалуйста, спаси меня! Они меня не узнают! Он вырвался из рук наездника, подбежал к профессору и, еле дыша, повторил: - Они не узнают меня! - Прежде всего спокойствие! - сказал профессор. Потом он посмотрел на мальчика и спросил: - Они тебя не узнают? - Не узнают, Йокус! - А кто же ты? - осторожно спросил профессор. - Дело в том, что я тоже тебя не узнаю. Словно бездна разверзлась под ногами мальчика. Голова закружилась. В глазах поплыли круги. - Йокус меня не узнаёт, - прошептал он. - Даже Йокус меня не узнал... Слёзы ручьями потекли по его щекам. Стало совсем тихо. Даже директор и Рысаковский молчали. - Откуда же мне тебя знать? - спросил растерянно профессор. - Но ведь я же твой Максик, - рыдал мальчик. В отчаянии он закрыл лицо руками. - Я же твой Максик Пихельштейнер! - Врёшь! - раздался звонкий мальчишеский голос. - Максик Пихельштейнер это я! Большой мальчик опустил руки и в

ужасе посмотрел на нагрудный карман профессора. Из кармана высовывался Маленький Человек и гневно размахивал руками. - Пожалуйста, унеси меня отсюда! Я не люблю лгунишек! - Дорогой Йокус! - крикнул большой мальчик. - Останься здесь! Останься со мной! У меня ведь только ты один на свете!

- Ну, Максик! - сказал профессор. - Почему ты так расплакался? Я ведь с тобой, я всегда с тобой! Тебе плохой сон приснился? Максик широко раскрыл глаза. На его ресницах ещё висели слезинки. Но он видел над собой озабоченное лицо Йокуса. Он вдыхал запах ландышей и знал, что сидит в цветочном горшке на балконе своего номера. И всё опять было хорошо.

Глава 13

Это был всего лишь сон. Разговор об изобретателе застёжки-"молиии". Отчаянные ребята и закадычные друзья

- Правда, это был только сон? - Маленький Человек облегчённо вздохнул. Словно камешек с его души свалился. - Ох, Йокус, милый, какое счастье, что ты меня опять узнаёшь! - Я тебя не узнавал? Ну знаешь ли... - Да, это потому, что я очень вырос, - объяснил Максик. - Я был такого же роста, как все мальчишки моих лет. Но, кроме того, я был ещё и маленький, как теперь, и торчал в твоём кармане. - Значит, ты был и Макс и Максик одновременно? Здорово! Маленький Человек рассмеялся. Правда, в горле всё ещё стоял комок. Но Максик знал, что скоро ему опять станет весело. - Пожалуйста, возьми меня в руки, - сказал он. - Тогда мне не будет страшно. - Кстати, на балконе довольно холодно, - заметил Йокус и вынул его из цветочного горшка. - Искупайся в мыльнице - и марш в спичечную коробку. Перед сном ты мне расскажешь, что тебе приснилось. - Всё-всё-всё? - Да, всё-всё-всё. От начала до конца. Потому что сон - дело хитрое. Вдруг Йокус испугался: - Ты не голоден? Или ты во сне ел сосиски? - Нет, - ответил Максик, - сон был совсем без еды. Но всё равно я сыт. При свете ночника Максик рассказал свой сон. Всё до последней мелочи. О доброй фрау Хольцер и о том, как она чихала. О профессоре Ваксмуте, который оказался взаправдашним волшебником и превратил Максика сначала в великана, а после в обыкновенного школьника. Потом он рассказал о драке с мальчишкой с соломенными волосами. И о тумбах с глупыми афишами... О цирке, о директоре Громовержце и наезднике Рысаковском. И наконец, о том страхе, который он пережил, когда к

ним подошёл Йокус с Маленьким Человеком в кармане и даже не узнал его - настоящего Максика. Йокус молчал довольно долго. Потом откашлялся и сказал: - Вот видишь. Сон всё и выдал. Ты мечтал стать обыкновенным мальчишкой, вместо того чтобы оставаться самим собой. Максик кивнул печально: - Мечтал уже давно. Только никому не рассказывал. Даже тебе. Хотя я тебе всегда всё рассказываю. - И вот, когда ты вырос, тебе стало жутко! - Ага, - подтвердил Максик смущённо. - Ты как-то говорил, что надо кем-то быть и что-то уметь. А тут я вдруг стал никем и ничего не умел. Когда я рассказал директору и Рысаковскому, что умею развязывать шнурки, они смеялись надо мной. - Просто ты стал большим, как все. Все умеют расшнуровывать ботинки. Но только один Маленький Человек делает так, что никто ничего не замечает. - Это совсем немного, - сказал Максик. - Немного, - подтвердил Йокус. - Но всё же лучше, чем ничего. Ибо кто на свете может много? Вот, например, некто, сидя в тюрьме, изобретает застёжку-"молнию". Теперь она чуть ли не на каждом чемодане или костюме. Итак, изобретена застёжка-"молния". Это много? Максик внимательно слушал профессора... - Или другой пример. Кто-то пробегает стометровку на десятую долю секунды быстрее, чем все остальные спринтеры во всех частях света, - сказал Йокус, - и люди в восторге забрасывают шапками стадион. Но я своей шапки не сниму. Установлен новый рекорд? Хорошо. Я тоже радуюсь и хлопаю в ладоши. Но много ли это? - Может быть, это и немного, - заметил Маленький Человек, - но что же больше? И что вообще тогда "много"? - Предотвратить войну, - ответил Йокус. - Победить голод. Избавить человечество от болезней, которые считались до сих пор неизлечимыми. - Но ведь этого мы с тобой не можем, - заметил Максик. Йокус кивнул: - Не можем. И очень жаль. С нашим искусством много не сделаешь. Мы можем добиться лишь двух вещей: удивить и развеселить людей. У нас нет повода зазнаваться. И тем не менее завтра все газеты сойдут из-за нас с ума. - Ты так думаешь? - Да, я в этом уверен, малыш. Завтра будет чёрт знает что твориться. А теперь - спать. Утро вечера мудренее. Йокус положил голову на подушку. - По-моему, я ещё совсем не устал, - заявил Маленький Человек. - Глубокоуважаемый господин Пихельштей-нер, - обратился к нему профессор, - Я был бы вам чрезвычайно признателен, если б вы не сочли за труд задуть свечу. Максик засмеялся и выключил свет. -

Значит, я опять маленький, - пробормотал он в темноте. - Но когда ты рядом, мне это нравится. - Спи, пожалуйста. - А правда, мы с тобой отчаянные ребята? - подумал вслух Максик. - Да, - пробурчал задремавший Йокус. - Отчаянные ребята и закадычные друзья. А теперь пора спать. - Закадычные - это от слова "закат", да? - спросил Маленький Человек. - Нет, от слова "кадык". Сколько раз тебе говорить, что пора спать! сердитым голосом сказал профессор и так громко зевнул, что даже ландыши на балконе услышали. - Я уже сплю! - сказал Маленький Человек и закрыл глаза и рот. Не берусь утверждать, заснул ли он сразу, потому что, во-первых, в комнате было очень темно, а во-вторых, меня там не было.

Глава 14

Слава в первую половину дня. Телефонные звонки. Первый посетитель директор Грозоветтер. Деньги не главное дело, но важней* шее из второстепенных. Крольчиха в чужом цилиндре. Заголовки и слухи

Следующий день навсегда остался в их памяти. Максик проснулся знаменитостью. Главный швейцар гостиницы, который за сорок лет службы приобрёл не только солидное плоскостопие, но и солидный опыт, уже в девять утра объявил телефонисткам: - Небывалый успех, поверьте мне, барышни. Паренёк прославится, как Пизанская башня. Попомните мои слова. Девушки захихикали, прикрыв ладошками телефонные трубки. Но времени посмеяться в этот день у них совсем не оставалось. Вызовы следовали один за другим, Весь мир жаждал побеседовать с Маленьким Человеком. Особенно какая-то настойчивая дама. Она интересовалась, женат ли Маленький Человек. - Я его вчера видела в цирке, и он меня совершенно очаровал, - объяснила она. - К сожалению, - ответила телефонистка, - он уже шесть лет состоит женихом наследной принцессы Австралии. - Чего он найдёт в этой Австралии, кроме кенгуру? - раздражённо спросила женщина. - То ли дело я. У меня магазин детской одежды. Конечно, не все звонки были такими дурацкими. Но ведь и дельные разговоры отнимают много сил и времени. Девушки на коммутаторе и швейцар чуть не падали от усталости. Тем временем Йокус и Максик сидели на балконе и уютно завтракали. - Не облизывай ложку от варенья, - сделал ему замечание профессор. - Мне теперь можно! - уверенно возразил Максик. - Когда человек так знаменит, ему всё можно. - Странное у тебя представление

о знаменитостях, - сказал Йокус. Обе голубки сидели в ящике для цветов, а крольчиха Альба высунула голову за балконную решётку. Для всех троих сей славный день ничем не отличался от обычного. Маленький Человек хитро улыбнулся. - Минна, Эмма и Альба, - сосчитал он. - Не хватает лишь Розы. В этот момент в дверь три раза постучали, и вошёл первый посетитель. Но это не была Роза Марципан. Посетителем оказался директор цирка Грозоветтер. В одной руке он держал цилиндр, в другой - пачку утренних газет. - Успех сенсационный, - задыхающимся голосом произнес директор и тяжело опустился на стул. - Хотя пресса и не присутствовала на представлении, она безумствует: перед гостиницей толпятся любопытные. Лифтёр сбился с ног, официант отбился от рук, а швейцар потерял голову. Максик смеялся, а Йокус быстро пробежал первые короткие сообщения о колоссальном успехе - своём и Максика. - Лавина катится, - отметил он удовлетворённо. - Да к тому же ещё в гору, - добавил Грозоветтер. - Жалко, что нам придётся расстаться. - И он печально опустил глаза. - Что-о-о? - удивлённо протянул Маленький Человек. - Я этого не понимаю. Грозоветтер обвёл перчаткой вокруг цилиндра. - Вот господин профессор - тот, вероятно, меня понимает. - Да, - буркнул Йокус и кивнул головой. - Сегодня ночью я не сомкнул глаз, - сказал Грозоветтер и сунул цилиндр под стул. - Всё считал и подсчитывал. И знаете, никак не выходит. Наш цирк не балаган, а солидное заведение, снискавшее уважение публики и собратьев по ремеслу. Но вы оба со вчерашнего дня - мировой экстра-класс, а этого я оплатить не в силах. Йокус заметил: - Но вы же ещё не знаете наших требований. - Не знаю. Но я не вчера родился... Я знаю, какие суммы вам теперь предложат. Конкурировать мне не под силу. Я солидный предприниматель. Другой директор на моём месте, возможно, подумал бы: "Мне одним этим номером обеспечен полный сбор. Даже если я выставлю на улицу семью Бамбус..." - Нет! - крикнул Максик. - Или если я продам слонов в зоопарк. - Нет! - крикнул Максик. - Или если я уволю глотателей огня и трёх сестёр Марципан... - Нет! Ни за что! - возмущённо кричал Максик. - Этого вы не должны делать! - Я и не сделаю! - с достоинством ответил директор Грозоветтер. - И именно по этой причине нам придётся с вами расстаться. Йокус сказал: - Выкладывайте-ка на стол ваши карты! Сколько вы можете нам платить? - В четыре раза больше, чем сейчас.

Но другие предложат вам в десять раз больше. - Нет, - возразил Йокус. - В двадцать раз. Я этой ночью тоже занимался подсчётами. Вы, глубокоуважаемый господин директор, можете нам платить больше, чем в четырёхкратном размере, не закладывая при этом в ломбард цилиндра и слонов. - Сколько же? - В пятикратном! На лице Грозоветтера появилась вымученная улыбка. - В таком случае мне придётся отказаться от моих любимых сигар. - Ну, положим, этому не поверит даже ваш поставщик! - Он-то конечно! - устало усмехнулся директор. - Ты всё понял, Максик? - спросил Йокус. - Но прежде чем отвечать, отложи в сторону ложку. Максик отложил в сторону ложку с вареньем. Потом он сказал: - Я всё понял. В другом месте мы могли бы заработать в пять раз больше, чем у директора Громовержца, то есть Грозоветтера. Да и то только, если он бросит курить. - Какой смышлёный малыш! - заметил директор. - Что нам теперь делать? - спросил Йокус. - Остаться у директора Грозоветтера? Или ради большого жалованья перейти в другой цирк? Обдумай это как следует. Речь идёт о больших деньгах, а деньги на дороге не валяются. Максик наморщил лоб. - Ты сам знаешь, чего ты хочешь? - Знаю. - Ну и я знаю, - заявил Маленький Человек. - Я хочу остаться у господина директора Грозоветтера. Он принял на работу в цирк моих родителей и вообще был очень добр ко мне. Как родной дядя. - Браво! - сказал Йокус. - Значит, мы едины в нашем решении. - Он обратился к директору цирка: - Решение принято единогласно. Мы останемся у вас. - О! - прошептал Грозоветтер. - Вот это я называю благородством. - И он растроганно провёл рукой по глазам.

- Подробности обсудим после обеда, - сказал, улыбаясь, Йокус. - Для меня и для моего партнёра деньги, как вы, вероятно, успели заметить, не главное дело в жизни, но всё же... - Но всё же?.. - с любопытством перебил его Максик. - Но всё же важнейшее из второстепенных, - закончил старший партнёр, Директор слегка поклонился. - Ну конечно же, господин профессор. Конечно! Разрешите мне сообщить представителям печати и радио, что вы остаётесь у меня? Йокус кивнул: - Пожалуйста, дорогой мой! Грозоветтер вскочил со стула: - Тогда я побежал. Он вынул из-под стула свой цилиндр и от радости надел его набекрень. Но цилиндр словно с ума спятил - он переваливался с боку на бок. - Что это значит? - спросил ошарашенный директор и сорвал с головы цилиндр.

Из цилиндра выпрыгнула белая крольчиха Альба. Она до смерти перепугалась и быстро поскакала в комнату к своей корзинке. - Ай-ай-ай! - Йокус погрозил господину Грозоветтеру пальцем. - Это нечестно! Альбе нечего делать в чужих цилиндрах! Директор рассмеялся и, в свою очередь, погрозил пальцем. - Говорите это не мне, а вашему кролику. И, придерживая на ходу свой живот, директор побежал что есть духу. Он спешил скорей преподнести редакциям, агентствам печати и радио ещё не успевшую остыть новость о том, какое счастье свалилось на голову, а точнее, на купол его цирка. Уже через несколько часов читатели в городе узнали важное известие. Бульварные листки поместили его на первой полосе. Огромные заголовки гласили:

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК остаётся у "Стильке"

ВЕРНОСТЬ, НЕСМОТРЯ НА НЕВИДАННЫЙ УСПЕХ. ГРОЗОВЕТТЕР ПОБЕДИЛ КОНКУРЕНТОВ. ФОКУСНИК И ЕГО АССИСТЕНТ ПРОДЛИЛИ КОНТРАКТ.

В этот вечер - перед вторым выступлением Маленького Человека - у цирка толпилось и толкалось больше ста тысяч человек!

Глава 15

Второе представление и вторая сенсация: Максик в роли лётчика. Архив "Стильке". Предложение из Голливуда. Переписка с деревней Пихельштейн. Королевский подарок из королевства Бреганзона

Сто тысяч человек! На девяносто восемь тысяч больше, чем вмещал цирк. Они тотчас же приступили к осаде кассы предварительной продажи билетов, и уже через два часа билеты на все дни были проданы, хотя цирку "Стильке" предстояло ещё сорок дней оставаться в городе, а билеты подорожали на целую Марку! Три специальные автомашины отвезли ночью деньги в несгораемые шкафы городского банка. "Бережёного бог бережёт", - рассуждал директор Грозоветтер. Само же представление было новым триумфом для "Большого вора и Маленького Человека". Дяди из телевидения явились со своими аппаратами. Повсюду торчали фотографы с камерами. Иностранные корреспонденты сидели, раскрыв глаза и блокноты. Для остальных артистов этот вечер, несмотря на полный сбор, не был столь уж приятным. Ведь все они понимали, что нетерпеливые зрители вместе с прессой и почётными гостями ждут только Йокуса и Максика. Я не ошибся - почётные гости действительно присутствовали: обербургомистр с золотой цепочкой на шее, два его заместителя,

председатель городской палаты, городские советники, американский генеральный консул, три директора банка, целый рой кинопродюссеров, главных режиссёров и главных редакторов и даже один ректор университета, который в последний раз был в цирке сорок лет тому назад! Поднялась круговая решётка. Йокус представил изумлённой толпе своего маленького помощника и тут же объявил о следующей сенсации. - Сейчас, - воскликнул он, - Маленький Человек на спине своей приятельницы - голубки Эммы - полетит к куполу и, совершив над нашими головами круговой полёт, опустится ко мне на руку! Так оно и случилось. Оркестр молчал. Не только потому, что так было задумано. Всё равно от волнения музыканты не смогли бы извлечь из своих инструментов ни единого звука. И только два живых существа не испытывали во время этого необыкновенного полёта и тени страха - Эмма и Максик. Он держался правой рукой за голубой шёлковый бант, который Йокус перед полётом самым тщательным образом завязал вокруг Эмминой шеи. Эмма стартовала в полном спокойствии: круто, по спирали набирая высоту, она достигла купола, три раза облетела вокруг него и, наконец, словно маленький белый планёр, плавными, изящными виражами стала опускаться всё ниже и ниже, пока не приземлилась на вытянутую ладонь профессора. Никогда прежде эта рука так сильно не дрожала. И весь цирк облегчённо вздохнул, как очнувшийся от глубокого обморока великан. В гардеробе Йокус тихо сказал: - Нельзя было разрешать тебе этот полёт. Ни за что и никогда! - Это было так чудесно! - воскликнул Максик. - Спасибо, что разрешил! Обе голубки сидели на зеркале в гардеробе, прижавшись друг к другу, и ворковали. Маленький Человек потирал руки. - Знаешь, о чём они говорят? Эмма рассказывает о полёте, а Минна ей завидует. Причём абсолютно напрасно! - Почему же? - Потому что завтра очередь Минны! Вдаваться во все детали этого всемирного успеха я, естественно, не могу. Впрочем, за подробностями можно обращаться непосредственно в архив "Стиль-ке". Заведующий архивом Куниберт Клейншмидт добросовестно собрал и разложил по порядку все фотографии, сообщения, интервью, письма и отклики. Он довольно охотно отвечает на вежливые запросы (только не забудьте приложить почтовую марку для ответа!). Разумеется, в журналах появились целые фотосерии, частью цветные. Французский еженедельник "Пари-матч" воспроизвёл на обложке

цветную фотографию Максика, стоящего на ладони Йокуса. Миллионы людей наблюдали по телевизору, как Максик выдёргивал украдкой шнурки из ботинок обербургомистра. Американский журнал "Лайф" предложил Маленькому Человеку сто тысяч долларов за право первой публикации его воспоминаний. Кинокомпания "Метро-Голдвин-Майер" приступила к переговорам о создании широкоэкранного фильма с Макси-ком и профессором в главных ролях. Спичечный концерн запросил лицензию на этикетки для спичечных коробок с надписью: "Маленький Человек даёт прикурить". Что-то Йокус разрешал. От чего-то наотрез, по крайней мере временно, отказывался. - Но ведь на этот голливудский фильм мы могли бы согласиться, - сказал Максик. Профессор покачал головой: - Не горит. Когда-нибудь позднее. Всему своё время. Всё же кое-что мне придётся рассказать вам подробнее. Например, историю с письмом из деревни Пихельштейн, которое однажды получил Максик. Вот текст письма:

Дорогой и многоуважаемый Макс Пихельштейнер! На днях мы восхищались тобой по телевидению. Мы - это хозяин "Голубого гуся" и телевизора, а также остальные тридцать восемь семейств Пихельштейна. Зрелище было в высшей степени замечательное, и мы очень гордились тобой и твоим мастерством. Все мы хорошо знали твоих родителей до того, как они покинули нашу деревню, а ты вылитый Пихельштейнер. Ты гораздо меньше ростом, но зато ты больше похож на родителей, чем они сами на себя. Мы все сразу воскликнули, что ты настоящий Пихельштейнер, и выпили за твоё здоровье. Это было празднично и незабываемо. Мы следили за тобой, пока у нас не закружились головы, и по этой причине единогласно решили избрать тебя почётным членом нашего Гимнастического союза, коим, да будет тебе известно, ты отныне являешься. Надеемся, что для тебя это такая же радость, как для нас - честь. Нашему самому Маленькому Человеку и величайшему гимнасту трёхкратное: "Смелость, свежесть, сила, слава!" Твой Фердинанд Пихельштейнер. 1-й председатель и 1-й инструктор Гимнастического союза Пихельштейн (Г. С. 1872).

Максик так обрадовался этому несколько беспомощному письму, что обратился к Розе Марципан со следующей просьбой: - Знаешь что? Я хочу сразу же ответить этому Фердинанду. Можно, я тебе продиктую

письмо, а сам сяду на пишущую машинку? Девушка, помогавшая Йокусу в разборке корреспонденции, сказала: - Диктуй, дружок! Роза вставила в машинку чистый лист бумаги, посадила Маленького Человека верхом на каретку и объявила: - Я вся внимание. Максик продиктовал ей благодарственное письмо Фердинанду Пихельштейнеру. Роза стучала на машинке, а Максик катался справа налево, пока не раздавался сигнальный звоночек. Потом Роза передвигала каретку вместе с сидевшим на ней Максиком до отказа вправо, и катание начиналось сызнова. Как раз в ту минуту, когда он диктовал последнюю фразу: "Ваш благодарный Максик Пихельштейнер, артист", в комнату вошёл Йокус. Он только что закончил в холле переговоры с представителем Нюрнбергской игрушечной фабрики. Он сказал, входя в номер: - Рабочий день кончился, господа! Сейчас мы будем пить кофе с яблочным пирогом! Роза собралась было вынуть бумагу из машинки, но Максик взволнованно закричал: - Пожалуйста, не вынимай! Осталось совсем немножечко. Очень важное! И он продиктовал ещё несколько фраз, не имевших ни малейшего отношения к почётному членству Гимнастического союза:

Так как все Пихельштейнеры очень маленькие, то возможно, что в Пихельштейне найдётся девочка моего возраста и одного со мной роста. Если такая девочка у вас есть, я был бы очень счастлив. Йокус, мой самый лучший друг, наверняка позволит мне пригласить её к нам в гости, чтобы она пожила у нас подольше...

- И, конечно, вместе с родителями, - вставил Йокус. И Маленький Человек продиктовал:

Конечно, вместе с родителями. А если у вас в Пихельштейне нет такой маленькой девочки, а есть только мальчик, то это будет почти так же здорово. Хотя, конечно, девочка всё же лучше, потому что ведь я сам мальчик. Чего мне иногда не хватает, так это друга моего роста.

Попутно я должен упомянуть ещё об одном важном письме. Отправителем его был король государства Бреганзона - Билеам. В его королевстве, а также и за границей короля прозвали Билеам Симпатичный. Все, кто с ним знаком, утверждают, что этого ещё мало. По-настоящему, мол, его следует называть Билеам Самый Лучший. На голове он носит золотую корону и чёрную шляпу, причём и то и другое разом. Украшенная драгоценными камнями, корона пришита к полям

шляпы, и получилось совсем не так плохо. Но хватит о шляпных делах.

Короче, король Билеам тоже прислал письмо. Он писал, что и он, и королева, и наследный принц, и принцесса - все они в восторге от телевизионной передачи. Он выражал надежду, что у цирка скоро начнутся отпуска и тогда Маленький Человек вместе с профессором немедленно и непременно приедет к ним в Бреганзону, где им уже отведены покои в королевском дворце. И принцесса Юдифь и принц Орам - десятилетний наследник престола - с нетерпением ждут их приезда. Но для начала дети опустошили свои копилки и выслали Маленькому Человеку подарок, который, как они надеялись, его порадует. ...Уже два дня спустя прибыли два больших ящика с надписью: "Королевский подарок". И это не было преувеличением. В одном ящике помещалась целая игрушечная квартира: столовая, спальня, кухня с электрической плитой и ванная с холодной и горячей водой. Маленькие лампочки, баки для воды, запасные батарейки - ничего не забыли!

Во втором ящике был большой низкий стол, на котором удобно размещались все четыре комнаты. Роза и Йокус чуть не выбросили вместе со стружками маленький целлофановый мешочек. А это было бы очень жалко, потому что в нём была спрятана узкая шёлковая лестница, которая прикреплялась к столу: по ней Максик мог взбираться на стол в свою роскошную квартиру. Он это и сделал, как только квартиру установили на столе. Он даже поджарил на плите в малюсенькой сковородке кусочек говяжьего филе, который вместе с каплей масла и мелко накрошенным луком принёс ему официант. Все, в том числе и официант, попробовали мясо, и всем оно очень понравилось. Всем, кроме Максика. Потому что ему ничего не досталось.

После представления в цирке Максик выкупался в собственной ванне и сказал Йокусу, наблюдавшему за этой процедурой: - Совсем другое дело. Не то что эта дурацкая мыльница... Потом он улёгся в своей роскошной мягкой кровати, сладко потянулся и пробормотал: - Совсем другое дело! Не то что спичечная коробка... Но на следующее утро он лежал в своей старой спичечной коробке на ночном столике Йокуса. - Вот тебе на! - сказал Йокус, - В чём дело? Максик смущённо

улыбнулся: - Я ночью перебрался сюда. - А почему? - Знаешь, спичечная коробка - это совсем другое дело!

Глава 16

Маленький Человек у собственной плиты. Слава утомляет. Й слава усыпляет. Второе письмо из Пихельштейна. Нюрнбергская игрушка. Об одной популярной песенке. Страшное открытие Йокуса. Пропал Максик!

Подарок короля Билеама и его наследников оказался, что называется, ценной находкой для журналистов. Они со своими фотоаппаратами толпились в номере, щёлкали изо всех сил и дарили миру новые снимки с роскошными заголовками: "Маленький Человек в фартуке и в поварском колпаке у собственной плиты", "Маленький Человек после обеда в качалке", "Маленький Человек перед маленькой книжной полкой с маленькими книжками", "Маленький Человек в своей новой кровати", "Маленький Человек впервые в жизни принимает ванну", "Маленький Человек демонстрирует голубям Минне и Эмме свои покои" и так далее, и так без конца. Наконец, эти деятели, с фотокамерами вместо глаз и вспышками вместо мыслей, удалились, а Максик в отчаянии три раза подряд воскликнул: - Почему я не невидимка? - Слава утомляет, - заметил Йокус. - Это уж так полагается. А кроме того, мы наклеим все фотографии в альбом и пошлём его в Бреганзону. Король и маленькие королята наверняка ему обрадуются. - Так мы и сделаем, - сказал Маленький Человек. - Но приглашение придётся пока отклонить, Слава утомляет. Надев свой тренировочный костюм, он целый час путешествовал по Вольдемару. Потом улёгся в свою спичечную коробку, широко зевнул и, засыпая, пробормотал: - Слава усыпляет! Через несколько дней Максик получил второе письмо из Пихельштейна. Фердинанд Пихельштейнер, первый председатель Гимнастического союза, писал глубокоуважаемому почётному члену того же союза, что в их деревне нет ни девочки, ни мальчика Максикиного роста. Правда, многие молодые семьи странствуют по свету.

Но есть ли у них дети, - говорится дальше в письме, - мы до сих пор, к сожалению, не знаем. Они нам даже не написали, живы ли они ещё или уже умерли. Если мы узнаем что-нибудь подходящее, мы тебя сразу же известим. Даю тебе честное слово гимнаста. Мне пятьдесят

лет, но я всё ещё в хорошей спортивной форме. Особенно на турнике. Твой верный тёзка Фердинанд Пихельштейнер.

Йокус медленно сложил письмо и сказал: - Не огорчайся, мой мальчик! - Ну что ты, Йокус, - сказал Максик. Он сидел на зелёном диване в своей уютной комнатке и болтал ногами. - Конечно, это было бы очень здорово! Особенно теперь, когда у меня целая пустая квартира. Ведь я всё равно никогда не расстанусь со своей спичечной коробкой.

- Но ведь новая кровать гораздо удобнее! - Это верно, - согласился Максик. - Но она слишком далеко стоит от твоей постели. Да, я, кажется, уже упоминал об адвокате, с которым Йокус беседовал внизу, в холле гостиницы. Он приезжал по поручению Нюрнбергской игрушечной фабрики. Они вели переговоры. Соглашение было достигнуто, и они подписали контракт. И вот в один прекрасный день пришла посылка с Нюрнбергской фабрики. А в посылке было десять спичечных коробок. Десять спичечных коробок? Да. Со спичками? В том-то и дело, что нет. В каждой спичечной коробке на белой вате лежал Маленький Человек. А всего их было десять Маленьких Человечков, как две капли воды, вернее, как десять капель воды похожих на нашего Максика. И все они были в пижамах в серую и голубую полоску, совсем как любимая пижама Максика. Десять Максиков двигали руками и ногами. Их можно было вынимать из коробок и ставить на ноги. Их можно было усадить в кресло. И положить спать. Короче говоря, это была новая игрушка, которую вскоре стали продавать во всех магазинах мира, а также и в кассе цирка. Эта игрушка принесла игрушечной фабрике много денег. Впрочем, я бы не стал рассказывать о новой игрушке, не сыграй одна из этих проклятых коробок такую важную роль в следующей главе. Но потерпите ещё чуточку. Потому что... Потому что сначала мне надо рассказать вам о песенке, которая появилась примерно в то же время и вскоре стала очень популярной. Ее записали на пластинку. Её пели по радио, под неё танцевали в ресторанах. Музыку сочинил Романо Корнгибель, дирижёр оркестра в цирке "Стильке". Кто написал слова, я не знаю. Песенка называлась:

ПЕСНЯ О МАЛЕНЬКОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Несколько строф я даже запомнил наизусть. Она начиналась так:

Взволнован целый свет. У каждого из граждан Выпытывает каждый: "Вы, случайно, не встречали Маленького Человека?" От полицейских тоже Ответа ждёт прохожий. У них один ответ: "Нет!"

Потом по очереди расспрашивали всех, не видел ли кто-нибудь Маленького Человека. До слов:

Вдруг возглас из трамвая: "А я о нём всё знаю: Он, выпив чашку чая, Ложится по привычке Он весит по утрам Лишь восемьдесят грамм, А вечером в нём просто Пять сантиметров роста. Ему король и принцы Шлют письма и гостинцы. Он в цирке по программе Ворует вечерами. А после всё подряд Он отдаёт..."

На этом месте нить моей памяти обрывается. Я только помню ещё самый конец: кто хочет увидеть Маленького Человека, пусть поспешит, потому что Маленький Человек с недавних пор становится всё меньше и меньше ростом:

Спешите все проворней-ка Его застать до вторника. Во вторник же чуть свет Его простынет след.

Эти две последние строчки вскоре приобрели особый смысл. Причём такой страшный, что я с трудом решаюсь об этом заговорить. Пожалуйста, не слишком пугайтесь! Ведь поправить дела я всё равно не могу. Ничего не поделаешь. Придётся вам всё рассказать. Крепче держитесь за стул или за край стола, можно и за подушку! Итак, не пугайтесь. Обещайте. Иначе я не буду рассказывать! Согласны? Ну, пожалуйста, не надо так волноваться. Итак: во вторник след его простыл! Чей след? Максика! Он как сквозь землю провалился! Йокус вошёл в свой номер и увидел, что Эмма и Минна чем-то очень обеспокоены. Йокус спросил Максика, мирно лежавшего в своей спичечной коробке: - Что случилось с голубями? Ты не знаешь? Ответа не последовало. - Гм, молодой человек, ты что - язык проглотил? Тишина. - Максик Пихельштейнер! - воскликнул Йокус. - Я с тобой разговариваю! Если ты мне сейчас же не ответишь, у меня разболится живот. Ни слова. Ни шороха. Ничего. И тут Йокуса охватил ужас. Он наклонился над спичечной коробкой, потом распахнул дверь и выбежал в коридор с криком: - Максик, где ты?! Максик! Гробовое молчание. Йокус вернулся в комнату, схватил телефонную трубку и рухнул в кресло. - Коммутатор? Немедленно соедините меня с полицией. Исчез Максик! Директор гостиницы отвечает за то, чтобы никто не покидал здания. Ни гости, ни служащие! Ни о чём не

спрашивайте. Делайте, что вам сказано! Он бросил трубку, вскочил с кресла, подошёл к ночному столику и изо всех сил швырнул спичечную коробку в стену. Вместе с Максиком... Потому что это был вовсе не Максик, а проклятая нюрнбергская кукла в полосатой пижаме.

Глава 17

Волнение в гостинице. Появление полицейского комиссара Штейнбайса. Пробуждение Максика. Важное сообщение по радио. Отто и Бернгард. Маленький Человек просит вызвать такси. Приступ смеха у Отто

Итак, Максика похитили. Но кто? Зачем? С какой целью? Было ясно, что Максика обменяли на куклу, чтобы его исчезновение не сразу было обнаружено. Одна из горничных видела, как из комнаты выходил официант. Нет, она не знала его в лицо. - По-видимому, это был не официант, - сказал директор гостиницы, - а переодетый официантом преступник. - Почему же мальчик не позвал на помощь? - спросила горничная. - Я бы наверняка услышала крик. - Его усыпили, - объяснил Йокус. - Разве вы не чувствуете запаха? Директор и горничная потянули носами. Директор кивнул: - Вы правы, господин Йокус. Пахнет больницей. Хлороформ? - Эфир, - ответил Йокус. Он был близок к отчаянию. Полицейский комиссар Штейнбайс, руководивший расследованием, тоже не мог сообщить ничего утешительного. Он вошёл в комнату с белым кителем в руках. - Мы нашли его во дворе в мусорном ящике. Преступник успел скрыться через служебный выход. - А что ещё? - спросил директор гостиницы. - Хоть какой-нибудь след? - Ровным счётом ничего, - ответил полицейский комиссар Штейнбайс. - Я отослал моих людей. Они битый час обыскивали спичечные коробки у всех выходящих из гостиницы. Всё напрасно. Ни в одной из коробок не было Маленького Человека. Во всех коробках были обнаружены только спички. - Аэродром, вокзалы, автострады? - спросил Йокус. - Мы делаем всё, что в наших силах, - ответил Штейнбайс. - Но больших надежд я не питаю. Скорее найдёшь иголку в стоге сена. - Радио? - Каждые полчаса сообщается о ходе розыска. Объявление о вашей награде в двадцать тысяч марок передаётся регулярно. Йокус вышел на балкон и взглянул на небо. Но и там он не увидел своего Максика. - Увеличиваю сумму до пятидесяти тысяч марок, - сказал Йокус, обернувшись. - Мы немедленно сообщим об

этом по радио, - сказал полицейский комиссар. Если в дело замешана банда, то, может быть, кто-нибудь из них и запоёт. Пятьдесят тысяч марок - сумма немалая. - С чего это он станет петь? - спросила горничная. Комиссар сделал недовольную гримасу. - Это специальный термин. "Петь" - значит "предать" или "выдать".

- Но всё же я никак не пойму, - начал директор гостиницы, - зачем им понадобился мальчик ростом в пять сантиметров, знаменитый, как Чаплин или Черчилль? Ведь его не продашь ни в один цирк. Частным образом его тоже не покажешь. Тут же явится полиция. У горничной на лице появилось таинственное выражение. - Может быть, это способ вытянуть деньги у профессора? - прошептала она. Может, они ему вернут Максика, если профессор ночью положит деньги в дупло какого-нибудь дерева? Такие случаи бывают. Директор гостиницы пожал плечами: - Но тогда кто-нибудь из них позвонил бы или прислал письмо. - А может быть, это всего-навсего сумасшедший. - увлеклась горничная. - И такие случаи бывают. Тогда мы совершенно бессильны. Кто знает, что бы ей ещё пришло в голову, если бы в этот самый момент в комнату не ворвалась Роза Марципан. - Бедный мой Йокус! - зарыдала она и бросилась профессору на шею. За ней размеренным шагом вошёл господин директор Грозоветтер. В руках у него был цилиндр, а на руках, как всегда и везде, лайковые перчатки. Он снимал их, только ложась спать. Сегодня они были мышиного цвета. Чёрные перчатки он надевал на похороны, а белые - на радостях и в торжественных случаях. В отношении цвета перчаток он был очень разборчив. - Дорогой господин профессор, - обратился он к Йокусу, - мы все до глубины души потрясены случившимся, и я должен вам передать сочувствие всех наших коллег. Десять минут тому назад мы решили на общем собрании отменить все представления, пока к нам не вернётся Маленький Человек. До тех пор цирк "Стильке" будет закрыт. - А вы думаете, это поможет? - спросила горничная. Директор Грозоветтер строго посмотрел на неё. - Прежде всего, это проявление дружбы и солидарности, моя дорогая. - Которое может оказаться полезным! - добавил комиссар Штейнбайс. Поскольку привлечёт всеобщее внимание. Роза Марципан тряхнула своими кудряшками. - Здесь может помочь только один человек. - Кто же? - удивился директор гостиницы. - Ты совершенно права, - перебил его Йокус. - Он

наша единственная надежда. - Кто же? - повторил свой вопрос директор гостиницы. - Сам Максик! - только и сказала девушка.

Наконец Максик пришёл в себя. Голова у него грещала. Он по-прежнему лежал в своей спичечной коробке, но лампа на потолке была чужая. Где же он? Из радиоприёмника слышалась танцевальная музыка. В воздухе висел голубой табачный дым. Какой-то мрачный мужской голос произнёс: - Отто, взгляни-ка, не проснулся ли наконец карлик. Ответа не последовало, и голос недовольно повторил:

- Ты что, ждёшь письменного приглашения? - Поспешишь - людей насмешишь, - спокойно ответил другой голос. Торопиться вредно, Берн-гард. Послышался скрип отодвигаемого стула. Кто-то тяжело поднялся и стал медленно приближаться. Наверно, человек, по имени Отто. Максик закрыл глаза. Он почувствовал, как кто-то наклонился над ним. Отто кряхтел и сопел. От него несло, как из табачной лавки, расположенной по соседству со спиртным заводом. - Всё ещё спит! - произнёс голос. - Надеюсь, Бернгард, ты ему капнул не слишком большую дозу эфира. А то сеньор Лопес прикажет кому-нибудь из своих ребят снять с тебя голову. - Заткнись! - буркнул другой голос. - Я сделал всё, как положено. В этот момент танцевальная музыка оборвалась, и третий голос объявил: "Внимание! Внимание! Повторяем важное сообщение". - Провалиться мне на месте, если это не полиция, - начал Отто. - Тихо! - зашипел на него Бернгард, Максик затаил дыхание, весь превратившись в слух. "Как мы уже сообщали, - продолжал голос в приёмнике, - сегодня утром из гостиницы был похищен всем вам известный Маленький Человек. Преступник переоделся официантом. Брошенный им белый китель найден. Полиция обращается к населению с призывом оказывать ей активное содействие. Профессор Йокус фон Покус увеличил объявленную им награду до пятидесяти тысяч марок. Все сведения, которые могут нам помочь в розыске, просим сообщать на радио или непосредственно полицейскому комиссару Штейнбайсу. Цирк "Стильке" объявляет об отмене всех представлений до особого распоряжения дирекции цирка. Передача окончена". Опять раздалась музыка. Немного погодя послышался полный благоговения голос Отто: - Здорово, чёрт побери! Этот Йокус-покус даёт жизни! Пятьдесят тысяч? Вот это называется лёгкий заработок! А, Бернгард? Что скажешь? - Я скажу, что ты осёл, ослом был, ослом и остался, - проворчал Бернгард. - Пятьдесят тысяч?

Ради этого не жертвуют положением. - Ну ладно, ладно, - пробормотал Отто. - Просто мысль такая мелькнула. - Тоже мне мыслитель... - заметил Бернгард. - Мыслить предоставь мне, понятно? А теперь я пойду звонить. Снова заскрипел стул. - Следи за карликом! Когда дверь захлопнулась, Максик чуть приоткрыл глаза. Он увидел за неприбранным столом большого лысого мужчину. Тот рассматривал на свет бутылку. Вот, значит, он каков, этот Отто. - Жажда хуже тюрьмы, - сказал самому себе Отто. И стукнул бутылкой об стол. "Теперь или никогда!" - подумал Максик и стал изображать пробуждение. Он так сильно потянулся, что чуть было не перевернул спичечную коробку. При этом он кричал: - Помогите! На помощь! Где я? Он в отчаянии огляделся вокруг и зарыдал. Это было проделано на высоком артистическом уровне. Отто был ошарашен. Он спрыгнул со стула и в бешенстве зашипел: - Заткнись, мерзавец! Максик заорал изо всех сил: - Скажите мне, где я? Как вы смеете так со мной разговаривать? Кто вы такой? На помощь! Йокус! На помощь! Он кричал в надежде, что его услышат. Но кругом было тихо. Его никто не услышал, никто, кроме лысого пьяницы, по имени Отто. - Попробуй ещё заорать! Я тебе рот лейкопластырем залеплю. Понятно? мрачно заявил Отто. - Мне ваш тон не нравится, - ответил Максик. - Вызовите, пожалуйста, такси! Эта просьба вызвала у Отто припадок смеха. Вернее, это была смесь смеха, кашля и чихания. Казалось, Отто вот-вот взорвётся. Но, к сожалению, этого не произошло. Наконец он успокоился, вытер слёзы и прохрипел: - Такси ему понадобилось. Только и всего! А Бернгард пошёл самолёт заказывать!

Глава 18

Кто купил белый китель? Переполох в "Золотом окороке". Статья в вечерней газете. Лысый Отто громко рычит. Пустой дом. Берн-гард опаснее, чем Отто. Максик изучает комнату

Белый китель официанта был куплен в городе за два дня до похищения Маленького Человека в специальном магазине. Полиция это в конце концов установила. В магазине продавались фартуки для мясников, шапочки для кондитеров и медсестёр, медицинские халаты, комбинезоны для землекопов, водолазные шлемы, нарукавники для бухгалтеров, наколенники для паркетчиков - короче говоря, это был очень большой магазин. Продавцы очень хотели бы помочь полиции. Но кто купил белый китель и как выглядел покупатель, они не знали.

Роза настояла на том, чтобы Йокус пошёл с ней в ресторан. - В конце концов ты должен что-то съесть, - объясняла она. - Нельзя же всё время сидеть неподвижно в своём номере и смотреть на стены. И делу это не поможет. Ещё заболеешь, не дай бог. И вот они сидели в "Золотом окороке" - так назывался ресторан, - Йокус на сей раз смотрел не на стену, а в свою тарелку. Но он по-прежнему не открывал рта ни для еды, ни для разговора, Так продолжалось уже более суток, и девушка всерьёз обеспокоилась. В конце концов она заставила его выпить чашку горячего бульона. Чтобы хоть немного утешить его, она сказала: - Завтра, самое позднее - послезавтра Максик будет с нами. Он слишком хитёр и ловок, чтобы долго сидеть взаперти. Ни одна собака его не удержит. - В том-то и дело, что это не собаки, а преступники, - возразил Йокус. Кто знает, что они сделали с бедным мальчиком. Он вздохнул. Потом покачал головой. - Ведь их даже вознаграждение не соблазнило. А я, признаться, очень надеялся на это. - Они боятся полиции. - Я бы их не выдал ради Максика... - пробормотал Йокус, глядя в свою тарелку. И у Розы Марципан тоже пропал аппетит. Но она старалась не показывать виду и даже немножко поела, надеясь, что Йокус по рассеянности тоже что-нибудь возьмёт в рот. Не тут-то было. Пока она тыкала вилкой в гуляш, из-за соседнего столика внезапно выскочил какой-то человек и залепил затрещину газетчику, который продавал газету. - Это ещё что за новости! - орал господин. - Немедленно верните мне спички! - Браво! - крикнул кто-то за соседним столиком. - Сейчас я ему тоже съезжу по уху. - Он и у меня хотел стащить! - крикнул третий. - Официант, позовите скорее заведующего. Начался переполох. Продавец газет держался за щеку. Гости держали продавца. Официант привёл заведующего. Заведующий вызвал младшего официанта. Младший официант привёл постового. Полицейский вытащил из кармана записную книжку. - Я не понимаю, что вам всем от меня надо? - возмущался продавец газет. Всё время твердят по радио, что надо быть бдительным, потому что похитили Маленького Человека. А когда вот я, например, проявляю бдительность и заглядываю в чужие спичечные коробки, меня бьют. Мне это очень не нравится, господин полицейский. Услышав это, посетители ресторана и полицейский сразу успокоились. Все стали просить друг у друга прощения. И даже продавец перестал возмущаться. Он вмиг распродал все номера газеты и, довольный,

покинул ресторан. Полицейский же бесплатно выпил кружку пива. Все углубились в чтение вечерней газеты. Хоть газета и была свежей, но свежих новостей о Максике в ней не оказалось. Тем не менее один репортёр поместил небольшую статью об этом нераскрытом преступлении. Её читали все посетители ресторана "Золотой окорок". У всех остыла еда. Роза Марципан и Йокус тоже читали газету. На первой странице в правом верхнем углу было напечатано следующее:

ЗАГАДКА ВОКРУГ МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА

Где он? Где его скрывают? На какой улице? В каком доме? В какой комнате? Огромный город затаил дыхание. Огромный город в растерянности. Комиссар полиции Штейнбайс пожимает плечами. Он и его подчинённые сбились с ног. Что им удалось обнаружить? Белый китель официанта в помойном ведре. Магазин, в котором был куплен китель. А что ещё? Больше ничего. Как выглядел покупатель? Был ли. он похитителем? Или одним из его сообщников? Сел ли похититель в машину? Или затерялся в толпе пешеходов? Население помогает полиции советами. Круглые сутки звонит телефон. Поток писем не прекращается. Работа неимоверная. Результаты ничтожны. В итоге нуль. Тем не менее мы не должны ослаблять бдительности. Только тогда всеобщий любимец населения - Маленький Человек будет найден.

Да, дела были плохи. Даже очень плохи. Никто не знал ни улицы, ни дома, ни комнаты, в которой держали в плену Максика. А сколько улиц, домов и комнат в городе с миллионным населением?! Но даже сам Максик не знал, где он находится. Он знал лишь комнату, в которой его сторожили Бернгард и лысый забулдыга Отто. Это была одна из тех дешёвых меблированных комнат, которые похожи друг на друга, как костюмы в магазинах готового платья. Но будь то даже салон с венецианскими зеркалами и автопортретом Гойи на стене, какой толк был бы от всего этого маленькому пленнику? Ведь это не помогло бы ему узнать ни номера дома, ни названия улицы! Правда, одно преимущество в сравнении с Йокусом, Розой Марципан, цирком и всем остальным миром у него всё-таки было: он точно знал, что всё ещё жив и здоров! А мир этого не знал! И Максик очень страдал, потому что думал, что из-за него страдает Йокус. Да, плохи были дела. Очень плохи. Оба жулика не спускали с него глаз. Ни днём, ни ночью. Они не покидали его ни на секунду. Один из них всё время дежурил

возле спичечной коробки. Есть они ходили по очереди. И ели, чтобы не обращать на себя внимания, каждый день в другом ресторане. Отто готовил Максику еду на керогазе. Он делал это скорее плохо, нежели хорошо, хотя и очень старался. - Ешь как следует, - приговаривал он каждый раз. - Потому что, если ты заболеешь или загнёшься, Лопес с нас три шкуры сдерёт. - А кто он такой, ваш сеньор Лопес? - спрашивал Максик. - Не твоего ума дело! - раздражённо отвечал Отто, поблёскивая узкими воспалёнными глазками. Максик молча улыбался. Потом ни с того ни с сего требовал: - Открой окно, пожалуйста! Мне нужен свежий воздух! Отто, кряхтя, вставал, открывал окно и также тяжело садился на место. Через пять минут Максик притворялся, будто он мёрзнет: - Я замёрз. Закрой окно, пожалуйста! Отто, кряхтя, вставал, закрывал окно и тяжело опускался на стул. Через пять минут Максик снова обращался с вопросом: - Осталось что-нибудь от ананасного торта? Отто, кряхтя, подымался, подходил к шкафу, садился на место и ворчал: - Нет, ты всё сожрал. - Пожалуйста, сходи в кондитерскую и купи новый. - Нет, - рявкал Отто, да так, что стены дрожали. - Нет, лилипут! Потом он вдруг вспоминал, что отвечает за здоровье мальчика, и, сделав над собой усилие, произносил как можно мягче: - Ладно, принесу, когда Бернгард вернётся с обеда. - Заранее благодарен, - вежливо говорил Максик и с нетерпением ожидал каких-нибудь событий. Например, чтобы кто-нибудь постучал или позвонил в дверь или чтобы сосед устроил скандал по поводу крика среди бела дня. Ведь только ради этого он и доводил Отто до белого каления. Пусть рычит, как пёс на цепи! "Странно, - подумал Маленький Человек. - Неужели в доме всего две комнаты? Должны же здесь жить ещё и другие люди. Никто не стучит и не звонит! Где же я?" Он старался не показать, что у него на душе. Но ему было страшно, очень страшно.

Больше всего он боялся Бернгарда, потому что тот никогда не орал. Но он разговаривал всегда таким ледяным тоном, что каза..... голос его раздается из холодильника. К.....гда он раскрывал рот, ...о коже. И мальчик ..... Бернгард часто отлу.....ался, Отто каждый ..... - ..... И Бернгард ..... - Нет! Или: - Будут новости - скажу Или: - Заткнись! Или: - Проваливай жрать! Однажды Отто не вытерпел и заорал на Бернгарда: - Мне надоело быть нянькой при карлике! Понятно? Когда мы наконец

полетим? Бернгард посмотрел на него, как на дряхлого цепного пса, и ответил холодно: - Нам надо подождать, пока полиция ослабит контроль. Ещё несколько дней! - Чёрт подери! - ругался Отто. - Если бы всё шло по-моему, мы бы уже давно не сидели здесь! Бернгард кивнул: - Правильно! Мы бы уже давно сидели в тюрьме. Отто быстро вылакал стакан водки, кряхтя, встал со стула и, ворча что-то себе под нос, отодвинул миску с едой. Бернгард сел в освободившееся кресло и от нечего делать стал читать газету. Немного погодя Максик с невинным видом спросил: - Куда же мы едем? - Я иногда бываю туг на ухо, - ответил Бернгард, не опуская газеты. - Это ничего, - заметил Максик. - Я могу и погромче. - И он гаркнул во всё горло: - Куда же мы едем? Тогда Бернга.....у газету. - Теперь я ..... даже позеленел от ..... лилипут! Тебя здесь ..... взялся за газету. - Те..... вести себя прилично, потому ..... задание сдать тебя живым. Живым и здоровым, как можно более здоровым. За это я получу очень много денег. Следовательно, в моих интересах, чтобы ты не заболел или случайно не помер. Понятно? - Понятно, - сказал Максик, изо всех сил стараясь не лязгать зубами. - Но если у меня с тобой будет слишком много возни, то я могу и плюнуть на деньги. Были люди и побольше тебя ростом, которые умирали внезапно. У Максика мороз пробежал по коже. - Поэтому будь послушным мальчиком, - продолжал Бернгард, - и подумай о своём драгоценном здоровье. Он снова раскрыл газету и стал читать спортивную хронику.

Заботы и страхи Максика увеличивались. Полиция и Йокус его не находили. Объявление о высоком вознаграждении не давало результатов. Сам он тоже не мог придумать выхода. Конечно, по ночам, когда лысый Отто спал на кушетке, Максик изучал комнату. Он спускался по скатерти вниз, а потом взбирался вверх по шторам на подоконник. Но что он видел? Дома на другой стороне улицы. За ними церковную башню. Окно было закрыто наглухо. Он ползал по полу и тщательно изучал стены и двери. Нигде ни малейшей щёлки! Ну, а если бы ему даже удалось в конце концов выбраться в коридор? Там ведь тоже двери! Дверь от квартиры, входная дверь с улицы! По крайней мере, две! Но бесполезно думать о щелях, которых не существует. Он сидел теперь в этой проклятой комнате. И сидел прочно, как гвоздь в стене! А время шло, и остановить его было невозможно. Скоро оба мошенника, которых он и энал-то лишь- по

имени, сядут в какой-нибудь самолёт. Со спичечной коробкой в кармане куртки. А в спичечной коробке будут вовсе не спички. В ней будет лежать усыплённый хлороформом Максик Пихельштейнер - знаменитый Маленький Человек, о котором мир больше никогда ничего не узнает. И не только мир, а что в тысячу раз хуже - о нём не узнает знаменитый фокусник профессор Йокус фон Покус. Максик стиснул зубы. "Ни в коем случае не падать духом, - подумал он. Бежать! Не выйдет? Ну мы ещё посмотрим!"

Глава 19

Подробный отчёт о сеньоре Лопесе. Крепость в Южной Америке. Картины Трибрата и Инкассо. Билеты на пятницу. Колики в желудке. Лысый Отто мчится в аптеку. Максик стоит на заборе

Среда оказалась богатой событиями. Отто уже с утра солидно надрался и по собственной охоте стал рассказывать Максику разные вещи про таинственного сеньора Лопеса. Позднее из города вернулся Бернгард. Он показал Отто билеты на самолёт, вылетающий в пятницу, но вскоре опять ушёл. - Я поем в "Кривом кубке", - сказал он, - и через час тебя сменю. - Хорошо, - согласился Отто, - закажи мне двойную порцию свинины с кислой капустой. И больше ничего. Аппетит что-то пропал. Когда Бернгард ушёл, у Максика вдруг ужасно разболелся живот. Он кричал и стонал так громко, что Отто пришлось зажать уши. Но об этом потом. Сначала я выполню своё обещание и передам вам разговор о таинственном сеньоре Лопесе. ...Итак. Отто уже за завтраком успел перехватить. Он напился, что называется, в дым. Наверное, спутал кофейник с бутылкой. Или просто решил прополоскать горло спиртом. Так или иначе, но вдруг ни с того ни с сего он заговорил: - Сеньор Лопес - это персона. "Сеньор" - по-нашему "господин". Так сказать, важная особа. Хозяин, одним словом. Он богаче английского банка. На каждом пальце у Лопеса по два кольца. А на некоторых - три. За одно такое кольцо можно купить всю Швейцарию. Что Швейцарию! Лопес владеет по меньшей мере половиной Южной Америки. Медь, олово, кофейные плантации, серебряные рудники и фермы. Одних быков - целая пропасть. Они по конвейеру идут в консервные банки. Шагом марш! Ать-два, ать-два, ать-два! У него своя крепость. Между Сантьяго и Вальпарайсо. Собственный самолёт и собственная охрана. Отчаянные стрелки. Целая сотня. Они у мухи сигару изо рта отстрелят. Тут Максик не

выдержал и захихикал. - Брось, - сказал Отто. - Над Лопесом не посмеёшься. Если где украли картину, которой цена миллион, будь спокоен: она уже висит у него в подземной галерее. Будь то Адольф Тюря, Трибрат или такой нынешний художник, как сам Инкассо. - Пикассо, - поправил его Максик, - и Рембрандт, и Альбрехт Дюрер. - Мне плевать, - сказал Отто и опрокинул ещё стакан. - Главное, чтобы картины висели в его подвалах. Только об этом никто не знает. Даже Интерпол. А если даже и узнают, ничего не смогут поделать. Его охрана их близко к крепости не подпустит. - Какой это Интерпол? - спросил Максик. - Интерпол - это Международная полиция. Один раз она меня и Бернгарда чуть не сцапала. Это было, когда мы украли цыганку и на лиссабонском аэродроме собирались сесть в личный самолёт Лопеса. Но, слава богу, всё обошлось хорошо. Теперь она вот уже два года в его крепости и по утрам гадает ему на картах. Покупать ли ему акции на бирже или обождать. Или про его печень, например, потому что он сильно зашибает, даже чересчур. Или выиграет ли какая-нибудь из его скаковых лошадей. - А я ему на что? - заинтересовался Максик. - Зачем он велел украсть меня? Отто налил себе ещё стакан. Бутылка была почти пуста. Он прополоскал водкой горло, потом стал откашливаться. Наконец он произнёс: - Человеку скучно, вот он и коллекционирует. Картины и людей. Вроде почтовых марок. За любую цену. Он даже целый балет украл. Одни красотки. Они ему каждый вечер танцуют. Ты думаешь, Лопес их отпустит на волю? Чёрта с два. Даже когда старухами станут. Потому что они его тогда сразу выдадут. Думаешь, я неправ? У него даже есть один знаменитый профессор: он всегда отличит настоящую картину от подделки. - А если профессор его надует? - Пробовал однажды! Это отразилось на его здоровье. Сеньор Лопес шутить не любит. - А на что я ему сдался? - спросил Максик дрожащим голосом. - Понятия не имею. Захотелось ему тебя видеть. И баста. Потому что ты чудо природы. Вроде телёнка с двумя или тремя головами. Максик смотрел на уши Отто. "У него уши такие оттопыренные, потому что он Отто: "Отто-пыренные". И в голове его пронеслось молнией: "Надо скорее бежать отсюда. Теперь самое время!" Потом пришёл Бернгард (об этом я упоминал). - В пятницу мы летим, - сказал он, входя и показывая билеты. Вскоре он опять ушёл. Он торопился в "Кривой кубок", чтобы через час сменить Отто, хотя лысый и потерял аппетит: он ведь сказал,

что ему хватит двойной порции свинины с кислой капустой. "Через час вернётся Бернгард, - подумал Максик. - Надо действовать. Билеты уже у него. Сейчас или никогда!" Поэтому-то так и разболелся живот у Маленького Человека. Это были колики, и мальчик громко плакал и стонал от боли. Отто даже пришлось зажать свои пыренные, вернее, оттопыренные уши - так громко вопил Максик. Если вы мне обещаете, что не расскажете пьяному Отто, я вам раскрою один секрет. Договорились? Никто нас не подслушивает? Ну вот: только пусть это останется между нами. На самом деле у Максика живот вовсе не болел. И вообще у него ничего не болело. Нисколечко это не были колички, вернее, нисколько это не были колики. Просто это входило в его планы.

- А-а-а! - кричал он. - Ой-ой-ой! - вопил он. - У-у-у! - стонал и орал он во всю мочь, извиваясь, как гусеница в своей спичечной коробке. - Доктора! - кричал он. - Скорее доктора! Ой-ой-ой! Доктора! - Где я тебе возьму доктора! - нервничал Отто. - Доктора! - ревел мальчик. - Немедленно! - Ты совсем спятил! - прикрикнул на него Отто. - Тебя весь город ищет, а я пойду за доктором, чтобы он нас выдал полиции. - А! - стонал Максик, корчась и катаясь от боли. - Умираю! Спасите! - Не смей! - в отчаянии закричал Отто. - Ещё этого не хватало! Да он нам шею обоим свернёт, если мы тебя живым не довезём! - Лысый даже вспотел от ужаса. - Где у тебя болит? Максик держался за живот. - Вот здесь! - причитал он. - Ой-ой-ой! Это колики! Доктора скорее! Или валерьяновых капель! Он выл, как целых восемь гиен. - Валерьяновых капель? - кряхтел Отто, носовым платком стирая пот с лица. - Где я их возьму? - В аптеке! - заходился Максик. - Скорее! Скорее! В аптеку! Ой-ой-ой! - Я же не могу оставить помещение! - волновался Отто. - Выпей водки! Это помогает! - Он поднял бутылку к свету. Бутылка была пуста, - Проклятье! - В аптеку! - стонал Максик. - А то... - Он весь как-то сразу сжался, тяжело глотал воздух и уже почти неподвижно лежал в своей спичечной коробке. Отто испуганно смотрел на коробку. Он совершенно обалдел. - Ты в обмороке? - Ещё не совсем, - шептал Максик. Глаза его закатились, и он стучал зубами. - Я запру дверь, побегу в аптеку и сразу же вернусь. Понял? - Да. Отто нахлобучил шляпу, выбежал из комнаты, дважды повернул ключ в двери, сунул его в карман брюк, потом открыл вторую дверь, захлопнул её за собой, повернул другой ключ, сунул и его в карман и

сбежал вниз по ступенькам. Из дому. Через палисадник и железную калитку. В поисках аптеки. Или хотя бы аптечного киоска. "Валерьянку для карлика, - кряхтел он про себя. - И пол-литра для бедного Отто".

Комната была заперта. До возвращения Отто никто не мог в неё войти. И выйти никто не мог. Включая Максика. Но ему уже это было вовсе не нужно. То есть почему не нужно? Сказать вам почему? Наверное, вы уже сами догадались! Нет ещё? Тогда слушайте! Максику это было не нужно по той простой причине, что его уже не было в комнате. Он её покинул одновременно с Отто. Как же ему это удалось? Очень просто - на его спине! Ведь это как раз и был тот самый план, который про себя составил Максик. Он, конечно, ни минуты не верил, что Отто пойдёт за доктором. Но так надо было. Лысый Отто в миллион раз охотнее согласится побежать в аптеку. Так думал Максик. Так оно и случилось. Только Отто повернулся спиной к столу, чтобы достать с вешалки шляпу, как Максик одним прыжком оказался у него на пиджаке. Это был прыжок, достойный такого знаменитого артиста, каким был Максик. И уже совсем простым делом было забраться по пиджаку на плечо. Пока Отто запирал на ключ дверь комнаты и входную дверь, пока он спускался вниз по лестнице и перебегал палисадник, Максик сидел на его плече. У калитки он спрыгнул на один из чугунных прутьев решётки. И этот прыжок был удачным. Школу, как мы знаем, Максик прошёл отличную. Правда, немного побаливал лоб: чугун всё-таки не резина! Наверное, останется шрам или шишка на лбу или и то и другое. Ну и что! Максик теперь стоял на каменном столбе у калитки. Столб был украшен большим каменным шаром. Максик прислонился к шару и дышал полной грудью. Пахло жасмином. А главное - свободой! Максик блаженствовал. Но для жасмина и блаженства время ещё не подошло! Надо было отсюда уходить. И поскорее! Меньше чем через час вернётся Бернгард из "Кривого кубка". Сейчас минута была ему дороже, чем год! Улица была пустынна, будто людей на свете вовсе никогда и не было. Дома по другую сторону улицы словно вымерли. Максик, обернувшись, посмотрел на входную дверь, через которую он незадолго перед тем проходил, сидя на спине у Отто. Рядом с ней висела голубая табличка с белым номером. А под номером маленькими белыми буквами было выведено название улицы. - "Петушиная улица,

двенадцать, - пробормотал Максик. - Петушиная улица, двенадцать". Когда он в третий раз подряд произнёс название улицы, окно на первом этаже в доме напротив отворилось. На подоконник вылез мальчик. В руке у него был кулёк с вишнями. Он кидал их одну за другой в рот и выплёвывал косточки прямо на улицу, пытаясь попасть в маленький зелёный мячик, лежавший на мостовой. Надо сказать, ему это неплохо удавалось.

Глава 20

Мальчик, по имени Эрих, плюётся вишнёвыми косточками и злится. Максик разговаривает по телефону и ждёт развития событий. Машины 1, 2, 3. Лысый Отто едет в машине. Максик едет в машине. Эрих едет в машине. Тихая улица опять стала тихой

- Алло! - крикнул Максик. Но мальчишка на окне даже и ухом не повёл. Он продолжал упражняться в стрельбе. Надо сказать, что вовсе не так просто попасть в мячик. Матрос бы, конечно, попал. Матросы - и это знает каждый ребёнок - мастера плеваться. Но когда они становятся штурманами и капитанами, у них это получается уже не так хорошо. Видно, мастерство с годами слабеет. - Алло! - крикнул Максик ещё громче. Мальчик кинул взгляд на улицу, но, никого не увидев, продолжал свои упражнения. Максик забеспокоился. Время шло. Что делать? Как отвлечь парня? "Идея! Я буду дразнить его до тех пор, пока он не разозлится!" - решил он. Он ещё раз крикнул: - Алло. Парень не отзывался, Максик добавил: - Ты что, старая тетеря, совсем оглох? Парень вздрогнул и поперхнулся косточкой. Он мрачно посмотрел в сторону Максика. - Где этот нахал? - Что глазами хлопаешь? - продолжал Максик. - Эх ты, ворона! Тут парень перекинул ноги через подоконник. - Сам ты ворона! - крикнул он. - Ну, берегись! Он перебежал мостовую, остановился перед калиткой, сжал кулаки, но так никого и не обнаружил. - Покажись, трус! - кричал он в бешенстве. - Вылезай из-за кустов! Сейчас я сотру тебя в порошок! Максик громко рассмеялся. Парень поднял голову и увидел Максика, который стоял на столбе, прислонившись к шару. От изумления парень широко раскрыл рот. Он пытался произнести что-то, но у него отнялся язык. - Ты знаешь, кто я? - спросил Максик. Парень кивнул. - Хочешь мне помочь? Парень опять кивнул. Глаза его засветились. - Мне пришлось тебя разозлить, - оправдывался Максик, - иначе бы ты ни за что не подошёл. Прошу прощения. Парень опять кивнул. - Пустяки,

Маленький Человек! - наконец чуть слышно сказал он. - Уже всё забыто. Меня зовут Эрих. - А меня Максик. У тебя есть телефон? Эрих кивнул. - Протяни руку, - попросил его Максик. - Но только не сотри меня в порошок! Эрих густо покраснел и протянул Максику руку. Максик спрыгнул на протянутую ладонь. Эрих перебежал улицу и посадил Маленького Человека на подоконник, а сам через окно пролез в комнату, потом подхватил Максика и подбежал к письменному столу. На столе стоял телефон. - Куда ты хочешь звонить? - спросил Эрих. - В полицию, - ответил Максик, - потому что если я позвоню в гостиницу к Йокусу... Но ты ведь не знаешь Йокуса? - Не знаю? - обиделся Эрих. - Профессора Йокуса фон Покуса? Я вас обоих знаю. По цирку, по телевидению, по газетам и вообще... - Потому что если я позвоню Йокусу, то он тут же прибежит сюда и свернёт лысому Отто шею. А потом и Бернгарду. А это сильно помешает делу. - Я всё понял, - сказал Эрих. - Отто и Берн-гард - похитители. - Он взглянул на газетную вырезку, лежавшую под стеклом на письменном столе. Вот обращение полиции. С номером телефона и так далее. - Молодец, Эрих, - сказал Максик, потирая руки от радости. - Когда дозвонишься, положи трубку на стол. Ладно? Я сам хочу говорить. Эрих набрал номер, потом сказал: - Соедините меня, пожалуйста, с полицейским комиссаром господином Штейнбайсом. Ему некогда? Очень жаль! Передайте ему привет от Маленького Человека! - Эрих подмигнул Максику и шепнул: - Проняло! Дежурного чуть удар не хватил. Через три секунды из телефонной трубки загремел голос, словно комиссар находился здесь же, рядом с ними: - Штейнбайс слушает! Что случилось? Максик встал на колени перед микрофоном и крикнул: - Говорит Маленький Человек! Я удрал! из дома номер двенадцать по Петушиной улице. Отто сейчас вернётся. Я нахожусь в доме напротив... - Дом номер семнадцать, - быстро подсказывал Эрих. - У Шустриков. Первый этаж слева. - Дом номер семнадцать, у Шустриков, первый этаж слева. Вы меня поняли? Одну минутку, я только перебегу к другому концу трубки. Мальчик помчался к слуховому концу трубки. - Сейчас мы к тебе приедем! - кричал полицейский комиссар. - Будь осторожен! Что ещё? Максик отбежал назад к микрофону и от волнения чуть не просунул голову внутрь. - Не включайте, пожалуйста, сирену и сигнальную лампу. Отто ещё в аптеке и может пронюхать про опасность. А самое главное, господин комиссар, ничего не говорите

Йокусу! Пока ещё ничего не говорите! Очень, очень, очень вас прошу! А то он будет очень, очень, очень волноваться! А как он себя вообще чувствует? А Роза Марципан? А... Эрих прижал к уху трубку и сказал: - Всё. Тишина. Наверное, дежурный с третьего этажа прыгнул прямо в машину. С двадцатью пистолетами в кобуре. - Мы живём в век скорости, - заметил Максик. - Отнеси меня на окно, пожалуйста. Эрих положил трубку на аппарат. - Благодарю за честь, господин фон Пихельштейнер. Они сидели у раскрытого окна и с нетерпением ждали развязки. Кто первым подойдёт к финишу? Полицейский комиссар Штейнбайс со своими людьми? Или лысый Отто с валерьянкой? Эрих продолжал плевать косточками в зелёный мячик, но всё ещё не мог попасть. - Плевать в цель очень трудно, - сказал он. - Почти так же трудно, как жить. - Почему же ты решил, что жить ещё труднее? - спросил Максик. - Мой дорогой друг, - вздохнул Эрих. - Перспективы довольно мрачные. Отец уехал. Сын питается ягодами. Это, по-твоему, пустяки? - Когда же они тебя бросили? - Сегодня утром. - Навсегда? - Не совсем. Завтра вечером они вернутся. Тут оба мальчика рассмеялись. - Тёте Анне аист принес ребёнка, - рассказывал Эрих. - Они во что бы то ни стало решили посмотреть на аиста, или на корзинку, или на ребёнка. Я, конечно, не стал их отговаривать. - И они тебе оставили одни вишни? - Ну что ты! - сказал Эрих обиженно. - Я был богат, как три полные копилки. И должен был три раза в день питаться в кафе. Сегодня днём, и сегодня вечером, и завтра в обед. Но... - Но что? - Но по пути в школу я встретил Фрица Грибица. Он стоит и ревёт, а на руках у него такса, которая его всегда в школу провожала. А такса-то мёртвая. Её машина переехала. Пуффи её звали. - Ой... - вздохнул Максик. - Ну, мы и стали ему деньги собирать. На похороны и на новую Пуффи. А когда пришли в класс, учитель посмотрел на часы. Ну, в общем, нам здорово влетело. А тут ещё бедняга Фриц, и несчастная такса, и жалкие восемьдесят пфеннигов на жизнь. И эти вишни... Вот и скажи теперь: трудно жить человеку или нет? Максик молча кивнул. Он ел вишню, держа её обеими руками, словно это была не вишня, а огромная тыква, получившая золотую медаль на всемирной выставке. При этом он заметил: - Ещё чуточку потерпи, и нам достанется ананасный торт! - Опять сладкое! - сказал Эрих печально. Полицейский комиссар Штейнбайс и инспектор Мюллер Второй шли быстрым шагом по Петушиной улице. Три

машины ждали за углом в переулке. - Вон там, напротив, дом номер двенадцать, - сказал инспектор. - Здесь они его прятали. - Очень тихая улица; - заметил полицейский комиссар. Вдруг он схватился за щеку. - Кто это тут вишнёвыми косточками стреляет? - Это я, простите! - крикнул мальчик. - Я метил в зелёный мячик. - С каких это нор я похож на зелёный мячик? - Номер семнадцать, первый этаж слева, - пробормотал инспектор Мюллер Второй. - Мы у цели. Комиссар подошёл к открытому окну: - Тебя, случайно, не Шустриком зовут? - Да, Шустриком, - последовал ответ, - но о случайности не может быть и речи. Инспектор Мюллер Второй усмехнулся. - Мы из уголовного розыска, - проворчал комиссар. - Нам нужен Маленький Человек. Эрих сказал: - Он всем нужен. Покажите-ка ваше удостоверение! У комиссара вдруг очень зачесались руки. Но ничего не поделаешь: он вынул удостоверение и предъявил его дерзкому мальчишке. Эрих внимательно прочёл документ. - Бумаги в порядке, Максик, - сказал он. Только теперь они увидели на окне Максика. - Добро пожаловать, господа! Как он себя чувствует? - Кто он? - Йокус! - Привыкает к голоду, - сухо ответил комиссар. Лицо Максика омрачилось. Но только на секунду. Потом он вновь просиял и стал потирать руки. - Сегодня вечером Йокус съест не меньше четырёх шницелей. Вот будет зрелище! Послышались быстрые неровные шаги. Максик вылез на самый край подоконника. - Вот он, лысый Отто, - срифмовал Максик. Отто шёл зигзагами по другой стороне улицы; в руке у него была большая бутылка. - Столько валерьяновых капель? - спросил обомлевший Эрих. Максик захихикал. - Это водка! У него вся водка кончилась. Поэтому он так быстро и собрался в аптеку. - Ну что ж, примемся за дело, - сказал господин Штейнбайс господину Мюллеру Второму.

- Одну минутку, - шепнул Максик. Через мгновение он уже стоял на рукаве комиссара, а ещё через мгновение - в его нагрудном кармане. Отто как раз собирался войти в калитку дома номер двенадцать, но ему преградили дорогу. - Что случилось? - спросил он, искоса посмотрев на обоих мужчин. - Уголовный розыск, - сказал комиссар. - Вы арестованы. - Что вы говорите! Неужели? - удивился Отто и повернул назад. Но господин Мюллер Второй оказался проворнее. И схватил его за руку. - Ау! - сказал Отто и выронил из рук бутылку. Она вдребезги разбилась. Господин Штейнбайс свистнул. Из-за угла выскочили три

машины и резко затормозили. Шестеро полицейских в штатском спрыгнули на мостовую. - Машина номер один отвезёт арестованного в управление, - приказал комиссар. - Инспектор вместе с командой машины номер два обыщет дом и квартиру. - Первый этаж слева, - сказал Максик. - Ключи у Отто в правом кармане брюк. Ключи сразу же оказались в руках одного из полицейских. Лысый Отто как громом поражённый взглянул на карман комиссара. Потом зарычал: - Мухомор карликовый... Как ты сюда... Он докончил фразу, уже сидя под надёжной охраной в машине номер один. А из машины номер два доложили: - Господин комиссар! Мы только что получили по радио сообщение: дом номер двенадцать по Петушиной улице принадлежит южноамериканской торговой фирме. - А как же иначе! - опять раздался голос Макси-ка. - Ведь всё это связано с сеньором Лопесом. Инспектор Мюллер Второй удивлённо спросил: - Что тебе известно о Лопесе? - Немного, - ответил мальчик. - Но на сегодня достаточно. Господин Штейнбайс кивнул. - Он прав. А нам надо очень спешить. Машина номер два берёт на себя этот дом. Машина номер три отвозит меня и Максика к профессору в гостиницу. - Нет, - сказал Максик, - сперва арестуем в "Кривом кубке" Бернгарда. Он сейчас там обедает. Он в десять раз опаснее лысого Отто. Знаете, он был тем официантом в белом кителе... Комиссар засмеялся. - Ай да Максик! Всё умеет, всё знает. Итак, машина следует в "Кривой кубок". Он сел в кабину рядом с шофёром и нащупал в кармане пистолет. - Минутку! - крикнул Максик, высунувшись из кармана. - Пусть машина номер два захватит мою спичечную коробку, а то мне придётся спать в королевской постели. - Какой ужас! - воскликнул инспектор Мюллер Второй и вместе со своими людьми бегом направился к дому. - Ну, а вы чего ждёте? - обратился комиссар к шофёру машины номер три. Поехали! Марш! - Не так-то просто! - сообщил шофёр. - Мальчишка стоит на подножке. Эрих заглянул в кабину: - А как насчёт ананасного торта? Максик вздохнул так, словно это был последний или, по крайней мере, предпоследний вздох в его жизни. - Какой стыд, - вымолвил он, - только выбрался из беды и сразу же забыл о друзьях! Эрих Шустрик мигом залез в машину. Машина номер один повезла Отто в Главное полицейское управление. Машина номер три помчалась по направлению к "Кривому кубку". Машина номер два по-прежнему стояла перед домом номер двенадцать. Петушиная улица и зелёный

мячик посреди мостовой выглядели так же, как и полчаса назад. И только на тротуаре сверкали осколки бутылки.

Глава 21

Волнение в "Кривом кубке". Эрих предпочитает телячью отбивную. Слёзы или тренировка? Острая горчица. Кто получит награду? Максик изображает лысого Отто. Самое маленькое пятизначное число

"Кривой кубок" не особенно изысканное заведение, но кормят там вкусно. Тут ничего не скажешь. Ведь если бульон сварен из свежей курицы, не так уж обязательно подавать его в фарфоровой тарелке. Гости сидели за чисто выскобленными столами. И еда им нравилась. Только Бернгарду она была не по вкусу. Суровая хозяйка, подавая ему сладкое, мрачно спросила: - Опять не по нутру? - Самое время улететь туда, где готовят по-человечески! - Самое время убраться из моего ресторана! И чтоб ноги вашей здесь больше не было, - сказала хозяйка и выхватила у него из-под носа тарелку. (Кстати сказать, на тарелке был творожный пудинг с малиновым сиропом.) - Немедленно поставьте на место эту дрянь, - холодно приказал Бернгард. Вы же знаете этот голос, раздававшийся словно из холодильника! - Проваливайте отсюда, и поскорее! - сказала она спокойно. - Две порции свинины с кислой капустой, так и быть, я оставлю вашему плешивому другу. А сами ступайте вон! Денег не надо! Считайте, что я вас пригласила и сама же вышибла! Вон, висельник! Бернгард пытался выхватить тарелку из её рук. Хозяйка отступила на шаг и запустила ему тарелку прямо в лицо. Конечно, творожный пудинг с малиновым сиропом любят не все. Я, например, тоже не большой поклонник такого пудинга. А когда пудинг летит вам в физиономию... Такое угощение вряд ли кому понравится. Тем не менее Бернгард высунул язык и стал слизывать со щёк малиновый сироп. Он боялся за свою белую сорочку, светло-серый костюм и щегольской галстук. Но пудинг - а он был отличного качества - склеил бандиту волосы и залепил глаза. Гости смеялись. Хозяйка смеялась. А когда девочка за соседним столом воскликнула: "Мама, посмотри, какая свинья!" - всеобщему восторгу не было предела. И вдруг стало совсем тихо. Что же произошло? Бернгард кое-как разлепил склеенные пудингом ресницы и остолбенел. Надо сказать, что для этого у него были все основания. Трое мужчин стояли вокруг него и совсем не смеялись. Но это ещё не

всё. Из нагрудного кармана у одного из них выглядывал маленький знакомый, который, указав на Бернгарда рукой, отчётливо произнёс: - Господин комиссар, это он!

После того как вымазанный пудингом Бернгард был препровождён в Главное управление, Максик должен был отправиться в гостиницу. Эрих Шустрик остановился у машины и сказал: - Ну, больше я вам мешать не буду! - Ты едешь со мной, - сказал Максик. - Из-за ананасного торта. И вообще... - Конечно, ты едешь с нами, - сказал комиссар, - я же должен записать все твои данные. И вообще... - Идёт, - сказал Эрих. - Всё равно мои родители у тёти Анны, у младенца и вообще... Тут все трое рассмеялись и быстро покатили в гостиницу. А в гостинице - инспектор Мюллер Второй уже позвонил туда - собрался весь персонал, начиная от директора и кончая лифтёрами. Все они столпились в вестибюле и кричали: - Слава Маленькому Человеку! Трижды слава! Девушки-телефонистки размахивали огромными букетами. А главный кондитер протянул Максику ананасный торт. Он был величиной с автомобильное колесо. - Ну, что я тебе говорил? - обратился Максик к Эриху. - Ананасный торт! Эрих поморщился: - И ничего другого? Меня бы больше устроила телячья отбивная! Максик подозвал директора: - У вас найдётся телячья отбивная? - Не меньше трёх дюжин, - ответил директор, - нежные, как масло. - Сколько ты съешь? - спросил Максик. - С меня хватит одной, - ответил Эрих. - С картофельным салатом, если можно. - Прекрасно. Значит, телячью отбивную для молодого человека, - повторил директор гостиницы. - Не для какого-то молодого человека, а для меня, - поправил Эрих. Роза Марципан поднялась с Максиком на лифте. Она крепко держала Маленького Человека обеими руками, нежно прижав его лицо к своей щеке. - Он знает? - спросил Максик. Роза кивнула. - Уже целых пять минут. Только он не хочет спускаться. Лифт остановился. Роза пошла по коридору. Постучала в дверь. - Это мы! Дверь отворилась. Профессор протянул к ним навстречу руки. - Проходите! - сказал он чуть хриплым голосом, словно был простужен. Роза, смеясь, покачала головой. - Не могу видеть плачущих мужчин. Через час я за вами зайду. Она вручила Йокусу Маленького Человека, сделала реверанс и побежала к лифту.

Ровно через час она прижала ухо к двери. И не поверила этому уху: из комнаты слышались команды. Просунув голову в дверь, она

увидела, что Максик тренируется на красавце Вольдемаре. Он старался что было сил. - Быстрее, сынок! - командовал Йокус. - Проворней! Я гляжу, ты растолстел. Вот чего б я не хотел! А чего бы я хотел? - Чтобы я не растолстел! - радостно рифмовал Максик, исчезая в Вольдемаровом галстуке. Узел вмиг развязался, и Максик вместе с галстуком, незаметно направляемый рукой Йокуса, исчез в левом внутреннем кармане куклы. Красавец Вольдемар тупо смотрел перед собой, но ничего не чувствовал. Роза просунула голову в дверь. - Браво, артисты! - воскликнула она и захлопала в ладоши. Эмма и Минна, обе голубки, прыгали взад-вперёд по шкафу и восторженно хлопали крыльями. - Ещё два часа таких упражнений, и он обретёт прежнюю форму, удовлетворённо сказал Йокус. - В пятницу мы сможем выступить. Максик высунулся из кармана профессора. - Ваша милость, это невозможно! В пятницу я лечу с Отто и Бернгардом к сеньору Лопесу в Южную Америку! Обед состоялся в Голубом салоне и понравился даже Эриху. Правда, когда дело дошло до отбивной, у него на глазах выступили слёзы. Но атому была виной английская горчица, с которой он раньше не был знаком. - Век живи, век учись, - сказал он, обмахивая язык салфеткой, как веером. Йокус съел не четыре шницеля, а только два. Впрочем, обед и так затянулся. Потому что на Йокуса сразу свалилась куча дел: надо было обсудить с директором Грозоветтером предстоящее в пятницу представление. А тут ещё беседы с репортёрами, то и дело врывавшимися в ресторан. И наконец, хотя и не в последнюю очередь, разговор с полицейским комиссаром Штейнбайсом, который с небольшим опозданием, но всё же явился в гостиницу из Главного полицейского управления. - А кто, собственно, получит объявленную мной награду? - спросил профессор у полицейского комиссара. - Эрих! - вмешался Максик. - Это ясно как день! - Я? Почему же я? - возражал Эрих. - Если бы Максик меня не дразнил, я бы до сих пор сидел у окна и ничего не знал. Лучше уж послать деньги Отто в тюрьму. Вот кто на самом деле освободил Максика! - По недосмотру, - сказал директор Грозоветтер. - Он пошёл за валерьянкой. Только и всего. - А я разве собирался его спасать? - спросил Эрих. - Я его хотел как следует отлупить, вот и всё! - Не отлупить, а стереть в порошок! - весело крикнул Максик. Он сидел на столе й уплетал торт, которым его кормила Роза. Но комиссар отодвинул тарелку и решительно заявил: - Маленький Человек обязан

спасением только самому себе. Он был пленником и освободителем в одном лице. Докажите, что это не так, и с вашего позволения я тут же пойду в трубочисты. Конечно, никто не захотел ему этого позволить, и всем опять стало весело. Максик превзошёл самого себя. Он изображал лысого Отто: расхаживал пьяной походкой по столу между тарелками и чашками и повторял рассказ о сеньоре Лопесе, о его крепости в Южной Америке, о подземной картинной галерее, о цыганке, о личной охране сеньора, о его балете. Единственный человек, который не все время смеялся, а только изредка усмехался, был полицейский комиссар Штейнбайс. Он застенографировал весь рассказ Максика, громко захлопнул блокнот и быстро распрощался со всеми. - Придётся продолжить допрос, - сказал он. - С Лопесом даже Интерпол не может справиться! - крикнул ему вдогонку Максик. - Он слишком богат. Комиссар, уже стоя в дверях, обернулся. - Мал, да удал, - сказал он, не скрывая восхищения. - Хочешь стать моим ассистентом? Максик отвесил элегантный поклон. - Нет, господин комиссар, я был и останусь артистом.

Когда Эрих Шустрик стал раздеваться, чтобы лечь в постель, и повесил пиджак на спинку стула, он услышал, как во внутреннем кармане зашуршала бумага. Он обнаружил в нём заполненный на его имя чек и произнёс вслух: - Вот это да! Он сел на край постели. К чеку была приложена записка. В ней было сказано:

ДОРОГОЙ ЭРИХ! Сердечное спасибо за помощь. Твои новые друзья Максик и Йокус.

Число состояло из пяти цифр. И даже если это было бы самое маленькое из всех пятизначных чисел на свете, то и тогда оно составляло бы огромную сумму для мальчика, чей отец работал агентом по продаже мебели. Кстати: назовите-ка самое маленькое пятизначное число?!

Когда Йокус с Максиком вернулись в свой номер, они обнаружили на ночном столике старую добрую спичечную коробку. Под ней лежала записка. В ней говорилось:

Дорогой Маленький Человек! При сем, согласно твоему пожеланию, прилагается твоя кровать с Петушиной улицы. Мюллер Второй, инспектор уголовного розыска.

Максик, потирая руки, сказал: - Ну, теперь у меня опять есть всё, что надо.

Глава 22

Почему парадное представление затянулось на двадцать семь минут. Директор Грозоветтер оглашает три телеграммы. Эрих сердится. Полиция раскланивается. Выступление главных действующих лиц. Восторг без конца. Конец

В пятницу директор Грозоветтер был, что называется, в ударе. Вечер пришёлся ему по душе. Он бы с удовольствием надел на руки целых три пары белоснежных перчаток и два цилиндра. И понять его легко, потому что о таком парадном зрелище можно только мечтать! В этих делах он знал толк. Программа длилась на двадцать семь минут дольше обычного. Ни львы, ни слоны, ни артисты в этом неповинны. Всё у них шло гладко. А причин - две. Во-первых, господин Грозоветтер огласил несколько важнейших поздравительных телеграмм, полученных Максиком. Три из них я запомнил. Гимнастический союз Пихельштейна в своей телеграмме писал:

МАКСИКУ ПИХЕЛЬШТЕЙНЕРУ ЦИРК "СТИЛЬКЕ" БЕРЛИН ПИХЕЛЬШТЕЙН Т 13 ВЕРА И НАДЕЖДА СТОЯЛИ НА ПОДХВАТЕ КАК ПРИ СОЛНЦЕ С ПОСЛЕДУЮЩИМ СОСКОКОМ ТЧК БРАВО ТЧК ГОРДИМСЯ ТОБОЙ ТЧК ВСЕ ПИХЕЛЬШТЕЙНЕРЫ ИЗ ПИХЕЛЬШТЕЙНА

Вторая телеграмма была из королевства Бреганзона. Она особенно понравилась публике. Ведь королей-то теперь совсем мало осталось на земле! И они не так часто подают признаки жизни.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТЕЛЕГРАММА БРЕГАНЗОНА К 1435 МАКСИК ПИХЕЛЬШТЕЙНЕР ЦИРК "СТИЛЬКЕ" БЕРЛИН ОЧЕНЬ ВОЛНОВАЛИСЬ ТЧК СНАЧАЛА ОТ СТРАХА ПОТОМ ОТ РАДОСТИ СПЕЦИАЛЬНАЯ ДВЕРНАЯ ЦЕПОЧКА ДЛЯ ГОСТИНИЦЫ СЛЕДУЕТ ЭКСПРЕССОМ ТЧК ОТДОХНИ БРЕГАНЗОНЕ ТЧК ПРЕЛЕСТНЫЙ ЗАМОК ПРЕЛЕСТНЫЕ ЛЮДИ ТЧК ПРИВЕТЫ ПРОФЕССОРУ ЙОКУСУ ТЧК ТВОЙ КОРОЛЬ БИЛЕАМ ДОМОЧАДЦАМИ И ПОДДАННЫМИ

Третья телеграмма была из Голливуда. Киностудия сообщала:

ГОЛЛИВУД МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК ЦИРК "СТИЛЬКЕ" БЕРЛИН ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОХИЩЕНИЕМ И САМОСПАСЕНИЕМ ТЧК ВЕЛИКОЛЕПНО ПОДХОДИТ ДЛЯ ФИЛЬМА ТЧК ПРОЕКТ ДОГОВОРА ПУТИ ТЧК НАЧАЛЬНИК ЕВРОПЕЙСКОГО ОТДЕЛА ВСЕМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ ПРИБУДЕТ ПОНЕДЕЛЬНИК

А во-вторых, директор Грозоветтер до начала выступления Йокуса и Максика представил публике почётных гостей этого вечера. Их ложи были озарены лучами прожекторов.

Первым был представлен школьник Эрих Шустрик. Как только раздались аплодисменты, он начал раскланиваться, подняв руки над головой. Как борец, который только что победил знаменитого лесоруба из Миннесоты! Потом Эрих послушно уселся между своими любимыми родителями. - Не сутулься! - шепнула ему мать, толкнув его в спину. (Ну, это нам всем знакомо!) Лицо Эриха омрачилось. Он подвинулся поближе к отцу и шепнул ему на ухо: - Разве так обращаются со знаменитостями? Тем временем снова раздались аплодисменты. Директор Грозоветтер представил команды трёх полицейских машин, инспектора Мюллера Второго и, наконец, лично полицейского комиссара Штейнбайса. Не успели стихнуть аплодисменты, как послышались громкие возгласы группы молодых людей, которые хором скандировали: - Покажите лысого Отто и Бернгарда! А так как все зрители читали газеты и слушали радио, то стены огромного шатра затряслись от смеха. Ведь каждый знал, что Отто и Бернгард сидят за решёткой и не могут быть показаны публике! Но вот директор Грозоветтер поднял руку. Зал сразу затих, как перед бурей. - Дамы и господа! - воскликнул директор Грозоветтер. - Наконец-то вы сами сможете увидеть и поздравить, восхититься и полюбоваться вашим, и нашим, и всеобщим любимцем, величайшим маленьким артистом в истории мирового цирка - им и его приёмным отцом и воспитателем Йокусом фон Покусом, профессором и тайным советником прикладной магии. Овация - я знаю это наперёд - будет беспримерной. Можете не беспокоиться! Если кто-нибудь при этом отобьёт себе руки, он может после окончания представления получить в кассе пару новых рук. Грозоветтер поднял правую руку. Так поднимает руку кавалерийский генерал, подавая сигнал к атаке. Потом он помчался вон с манежа галопом. Оркестр исполнил туш. Это был самый настоящий металлический гром. На манеж вышел подтянутый, гибкий и элегантный, как всегда, профессор Йокус фон Покус. На его вытянутой руке стоял Максик и, улыбаясь, приветствовал публику. Но что я могу ещё добавить? Ведь у этой книги, в отличие от восторга публики, есть